

**BEST
SELLER**

ДОКТОР КУРПАТОВ
ТАТЬЯНА ДЕВЯТОВА

5 судьбоносных вопросов
**МИФЫ БОЛЬШОГО
ГОРОДА**

**Татьяна Девятова
Андрей Владимирович Курпатов
5 судьбоносных вопросов.
Мифы большого города**

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5024741

Аннотация

"Больна ли психически наша страна, пережившая перестройку и эпоху дикого капитализма? Что это вообще значит – жить в эпоху перемен? И, если честно, здоровые в России, вообще, имеются?" – этими вопросами доктора Курпатова одолевают с завидной регулярностью. И вот он, наконец, решился на них ответить. Как и просили – честно, без обиняков. Свой ответ доктор Курпатов держит перед Татьяной Девятовой – замечательной и незаурядной женщиной, таланты которой увенчались титулом "Профессиональный успех года" журнала Cosmopolitan. Самое то – поговорить о справедливости, работе, свободе и... о любви к родине.

Содержание

Вместо введения	4
Пролог	8
Глава первая	10
Одна нога там...	15
Мне должны! Миф о справедливости	25
Лебединая песня о ненависти	29
Где справедливость?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Курпатов Татьяна Девятова

5 судьбоносных вопросов Мифы большого города

Вместо введения *от доктора Курпатова*

В своих книгах я уже не раз поминал это старое китайское проклятие: «Чтоб вам жить в эпоху перемен!» Но о том, что это такое – жить в эпоху перемен (с психологической точки зрения), – еще не рассказывал. Все собирался с силами и думал, как это правильно сделать, поскольку тема ух какая непростая.

Все мы вместе пережили очень страшное и непростое время – пресловутая горбачевская перестройка, развал Союза, последующая эпоха «дикого капитализма» в современной России. При внешней банальности и уже даже привычности, случившееся – самая настоящая психическая травма. Травма, которую мы получили, но так и не осмыслили, а значит, и не залечили должным образом. И она продолжает ныть, как в плохую погоду плохо сросшаяся кость. Хотя кажется, что уже «все хорошо»... В общем, настало, мне думается, время подвести психологические итоги последних двадцати лет, осмыслить происшедшее, залечить раны и понять, как нам жить дальше.

За эти два десятилетия мы многого насмотрелись и видели разное – еще помним первомайские демонстрации и парады на Красной площади «в ознаменование Великой Октябрьской социалистической революции» (мне даже довелось, будучи нахимовцем, в таком параде участвовать), но помним и баррикады во время путча ГКЧП (три ночи я тогда провел перед зданием Ленсовета), помним приватизацию с ваучерами и пирамиду «МММ» с Леней Голубковым. Помним Андрея Сахарова на трибуне съезда Советов и Ельцина во время последних его выборов – «Голосуй сердцем!» Мы все это помним. Всю эту «эпоху перемен».

Но дело не в этом, не в том, что поменялось во внешнем мире, а в том, что переменилось в нас самих. А в нас самих – постепенно, незаметно, но необратимо – изменились мы сами. Изменилось наше представление о жизни, о себе, о своей стране, о семье, о нравственности, о вере, о работе, о деньгах и успехе. Были мы-прежние – с одними представлениями, а теперь уже мы-другие – у нас иные представления. Мы переродились и сами того не заметили. Но, как показывают специальные научные исследования, такое перерождение – это как болезнь. Травма.

Так что об этой книге я думал уже давно. Очень. Сколько мне задают три следующих вопроса, столько и думал. Первый: «Больна ли психически наша страна?» – об этом меня, как правило, бизнесмены спрашивают (симптоматично – не находите?). Второй: «Зачем вы занимаетесь популяризацией психотерапии?» – это классический вопрос журналиста (странно, что журналистов это удивляет). Третий: «А здоровые у нас вообще имеются?» – этот вопрос задают уже все, невзирая на чины и звания, а также профессиональную ориентацию. Тоже симптом, как ни крути.

Отвечая на эти вопросы, всякий раз, если по-хорошему, следовало бы начать с объяснения феномена, который получил в научной литературе, благодаря профессору Ю.А. Александровскому, название «социально-стрессовые расстройства» (это наш с вами общий диагноз, если кто еще не догадался...). Но объяснить неспециалисту, что такое «соци-

ально-стрессовое расстройство» (ССР – сокращенно), – смерти подобно. Какая-то вода получается – невнятно, масса слов и ноль определенности. Вроде бы и понятно, и смысла много, но как-то он все струится по дереву и в рот не попадает. Ну хоть убейся!

Сейчас, ради интереса, заглянул в руководство по диагностике и лечению пограничных психических расстройств. Думал – приведу определение ССР для большей понятности. Вдруг кому-то в такой форме будет интересно прочитать... Посмотрел. Три страницы текста – одна только расшифровка этой аббревиатуры из трех букв, а определения, как положено в медицине, и вовсе нет. В общем, трудно объяснить, что это такое – «социально-стрессовое расстройство». Трудно. А мы все им боеем. Вот такая закавыка, гигантская... Очевидно, что разъяснение вопроса на целую книгу тянет, а то и не на одну. Так что я умиряю свое наивное желание сразу поставить все точки над «і» и надеюсь, что все станет понятно в процессе дальнейшего повествования.

Впрочем, тут сразу возникает несколько сложностей... А главная, наверное, в том, что от «эпохи перемен» мы пострадали все вместе, скопом. Когда кто-то один сходит с ума – это не может остаться незамеченным. Вокруг есть здоровые, и они тебе на твое состояние укажут и скорую психиатрическую помощь для тебя вызовут. И врачи не будут в недоумении, что их, понимаешь, потревожили. Но совсем другая история, когда чуточку «того» становится сразу вся страна – от первого до последнего ее гражданина: и ты сам, и окружающие, и даже врачи, которым, казалось бы, уж совсем не пристало с ума сходить. И теперь расскажи о такой болячке, чтобы все поняли, о чем речь. Да еще так, чтобы никого не обидеть...

Как это сделать? Только в рамках «сократического диалога» – то есть когда ставится проблема, выдвигаются разные версии, случается дискуссия и сам собой рождается вывод. И хотя мне не слишком импонирует аристотелевская фраза, что, мол, в споре рождается истина (мне почему-то кажется, что истина все-таки рождается в голове, а не в споре), другого пути нет. Поэтому мне нужен был собеседник, который бы, с одной стороны, осознавал проблему, внутренне переживал ее, но с другой – имел бы несколько иное о ней представление, привык разглядывать ее с другого ракурса. И такой собеседник, к великому счастью, у меня нашелся – Татьяна Девятова.

Мы познакомились с Татьяной случайно – один психологический журнал попросил ее сделать со мной интервью. Хотя Татьяна уже долгое время работает в области, как она говорит об этом, «менеджмента психологических услуг», наши пути до этого напрямую не пересекались. Только несколько раз, как потом выяснилось, косвенно – при составлении Татьяной справочников «Психология и психотерапия в России» и «Психологи Петербурга». И еще мне довелось много сотрудничать с всероссийской «Психологической газетой», первым главным редактором которой тоже была Татьяна (впрочем, к тому времени она уже перешла на другую работу).

Жизнь Татьяны – это, по-моему, образец по-настоящему небезразличного, искреннего, открытого и, я бы сказал, прочувствованного отношения к тому, что происходит вокруг. Когда случается цунами (а по нашей стране в вышеупомянутые годы прокатилось нечто подобное), большинство людей пытаются спрятаться в каком-нибудь панцире, забиться куда-нибудь в угол и переждать катастрофу, надеясь, что вся эта разбушевавшаяся стихия когда-нибудь успокоится и можно будет вернуться к нормальной жизни. А другие – нет. Они не прячутся, не выжидают, они выходят навстречу волне (вероятно, не всегда понимая, насколько это опасно) и пытаются ее «оседлать». Татьяна Девятова – именно такой человек.

Когда подули сначала теплые, потом промозглые ветра перестройки, Татьяна «пошла в народ». Получала высшее образование, успела поработать ночным сторожем, землекопом и проводником (как она мечтательно вспоминает: «Стройотряды, стройотряды...»), няней в доме ребенка и учительницей математики. Потом начался период «хиппования» – уход из дома, попытки спасти юных наркоманов, работа с трудными подростками. Ну и интеллек-

туальный труд, разумеется: работа редактором в журнале «Юность», издательская деятельность – последняя книга А. Володина «Записки нетрезвого человека», «В ожидании Нобеля» Саши Соколова (эту книгу Татьяна ценит намного выше его легендарной «Школы для дураков», которой зачитывалась тогда вся страна), последние прижизненные сборники стихов Виктора Кривулина и Иосифа Бродского (тот самый, в котором впервые было опубликовано стихотворение: «Посмотрим в лицо трагедии, увидим ее морщины, // Ее горбоносый профиль, подбородок мужчины...»).

А потом крутой поворот – обращение в сторону психологии. Но не в практическом смысле, а в смысле организационном – то есть в роли менеджера, что в России и так занятие непростое (если работать серьезно), а в области психологии – и вовсе нечто сверхъестественное, на мой взгляд. Попробуй организовать то, что находится в состоянии затяжных, перманентных и крайне непростых родов... Задача. Но результаты впечатляют – основаны первое в России независимое периодическое профессиональное издание и первая российская профессиональная психологическая премия «Золотая Психея», подготовлены потрясающие справочники, создан свой частный психотерапевтический центр и психологический портал www.mental.ru. Как результат – номинация на премию «Профессиональный успех» журнала Cosmopolitan. В общем, картинка с обложки – успешная женщина, умница и красавица...

Татьяна изнутри знает всю психологическую «кухню», лично знакома и работала со многими известными российскими психологами и психотерапевтами. Но лишь в этой книге она впервые решилась поговорить с психотерапевтом не о работе, а о том, что волнует ее саму. Почему? Потому что на смену «успеху» пришло разочарование. Как написала мне Татьяна в электронном письме, «добровольная социальная смерть после драматического осознания того, что на наемной работе я исполняю не свои, а чужие желания и борюсь не за свои, а за чужие интересы. А где же мои?... И долгий – затянувшийся по сей день – поиск своего: своих желаний, интересов и смыслов, своего истинного предназначения. Прислушивание к себе, к слабым, атрофированным собственным “тягам”. Попытки отличить собственное от чужого, наносного, заданного родителями, социумом, другими людьми...»

Переживая этот кризис, Татьяна попробовала, кажется, все: и найти свое женское счастье, и создать свой бизнес, и поработать на ниве общественно-политической деятельности, и построить домик в деревне – чтобы сбежать туда из города и стать «ближе к земле». «Пожалуй, – говорит Татьяна, – я не была только шахтером и нефтяником... А если объединить всех разнорабочих, рыбаков, владельцев бизнеса, членов партии, учителей, менеджеров, психологов, литературную и СМИ-богему и добавить к этому неполностью счастливых женщин, а также тех, кто не удовлетворен своей жизнью, точнее, ее качеством, – точно больше половины страны получится. Так что я – полноправный и яркий представитель абсолютного большинства населения РФ. И муляж его основных проблем...»

В общем, лучшего собеседника на тему «Что такое жить в эпоху перемен?», а главное – как жить после того, как они случились, мне не найти никогда. Вот мы и начали беседовать... Сначала собирались назвать эту книгу «Психология большого города», потом передумали, решили, что «Мифы большого города» – это будет более правильно. Назвали «Мифы», стали говорить о наших российских «мифах», а наговорили столько, что в одну книгу – ну никак не помещается. Не знаю, то ли я был слишком обстоятелен в своих объяснениях, то ли Татьяна была настолько дотошна, но одна книга превратилась в две: «Мифы большого города» и «Психология большого города». В первую отошли главы, посвященные «справедливости», «родине», «работе, успеху и деньгам», «образованию» и «свободе». Во второй – в «Психологии большого города» – разговор продолжается, но идет уже о «семье», о «поколениях», об «одиночестве», о «культуре», о «психологии», о «счастье».

Вот и все, что мне хотелось сказать в начале нашего вынесенного на публику разговора с Татьяной. Впрочем, есть и еще одно... Просьба.

Эта книга кажется мне очень важной, и я искренне надеюсь, что она кому-то поможет, кого-то приободрит, кого-то заставит задуматься. Но, к сожалению, это не практическое руководство по лечению «социально-стрессовых расстройств». В ней нет однозначных ответов и прямых рекомендаций. Я даже не уверен, что все изложенные здесь мысли правильны, абсолютно точны и вообще доказуемы. Поверьте, на это есть объективные причины. В конце концов, авторы этой книги – такие же «пострадавшие» от «эпохи перемен», как и все мы, вместе взятые. Так что, пожалуйста, не судите строго... И приятного вам чтения!

Андрей Курпатов

Пролог

Когда Андрей Курпатов предложил мне написать с ним книгу – я испытала очень противоречивые чувства. Этих чувств было так много, что понадобилось время, чтобы отделить их друг от друга, опознать и поименовать.

Честно скажу – я не испытала никакой гордости от такого предложения и меня совсем не порадовала участь покрасоваться лицом на одной обложке с известным человеком. Скорее наоборот. Амбиции мои лежат совсем в другой области, и человек я не публичный.

Есть и еще одна причина. Почти 15 лет я работаю в сфере практической психологии, но не как практик, а как менеджер, организатор, и постоянно общаюсь с представителями «помогающих профессий» – психологами, психотерапевтами, наркологами, психоаналитиками, психиатрами. В свое время мы с коллегами даже организовали для них «Психологический клуб», куда специалисты могли прийти и поболтать друг с другом да и просто «оттянуться» вдали от клиентов-пациентов.

В общем, я знаю эту «кухню» изнутри. И поэтому навсегда потеряла способность восхищаться и гордиться знакомством с известными в этой области людьми. Более того, скажу по секрету: ко всем психологам и психотерапевтам, даже очень статусным, я отношусь с сочувствием, а иногда – с состраданием. И вижу в них прежде всего людей.

Людей, оказавшихся с этой непростой, но очень нужной людям профессией в стране, у жителей которой напрочь отсутствует адекватное, взвешенное представление о ней, о ее возможностях и ограничениях. Вот и приходится им выслушивать каждый день мучительную чушь. Или придыхания: «Ой, вы же психолог, вы меня насквозь видите, так скажите, как мне дальше жить?» Или бредовый страх: «Сейчас вы поманипулируете моим сознанием». Или откровенное пренебрежение: «Болтуны и мошенники, только на бабки разводят...» Незавидная доля, ничего не скажешь, ни в какой другой профессии такого ужаса нет.

А известность, популярность только добавляют проблем. Знаю, что многие относятся к Андрею Курпатову как к «звезде экрана», восхищаются и даже творят из него кумира. Что мне, признаться, не очень по сердцу, а иногда становится просто обидно за человека, который искренне пытается донести до людей нужные, полезные знания, поделиться своим опытом, а ему: «Ой, а можно автограф? И еще мы вместе с вами сфотографируемся!»

А вот в профессиональной среде – другая крайность. Чего только я не слышала о нем в «кулуарах цеха». Он и шарлатан, и пишет как Дарья Донцова (вот такое ругательство; интересно, как его воспримут миллионы поклонников творчества Донцовой – сразу побегут скупать все его книги?), и много о себе мнит, и выпячивает свое «я»...

Что это? Профессиональная ревность? Отголоски советских времен, когда не принято было говорить «я», все прятались за безликим «мы»? Обесценивание чужого труда? Или простое человеческое нелюбопытство, нежелание взглянуть пристальнее на деятельность коллеги, оценить ее не на основании слухов и чужих мнений, поверхностных знаний – «прочитал две страницы, мне не понравилось». А оценить по существу и непредвзято? А может, они в чем-то правы?

В итоге главным аргументом в решении поучаствовать в написании этой книги стало для меня желание узнать Андрея получше, и не только как профессионала, но и как человека, если хотите – гражданина своей страны.

И рассказать об этом тем, кто пока не взял на себя труд оценить его работу не по внешним атрибутам успешности, а по содержанию и результатам.

А еще меня заинтриговала сама идея – посмотреть, как изменились за эти годы перемен наша психология, наши представления о жизни, о самих себе. Понять, какие из этих представлений мешают нам жить. Ну и что с этим делать, конечно.

Собственно, эта книга обо всех нас – людях, живущих в России, со всеми нашими достоинствами и заморочками.

Но начнем мы с главного. Правда, не с главного достоинства, а с главной нашей иллюзии.

Татьяна Девятова

Глава первая

Главная иллюзия россиянина

«Главное – начать!» Эта крылатая фраза первого рулевого перестройки никак не хотела выходить из головы. Наверное, потому, что других мыслей, обрамленных в слова, там не было. Самих-то мыслей, конечно, вился целый рой, но вот слов... А я уже шла на первую встречу с Андреем Курпатовым, и надо было с чего-то начинать.

Интересно, а понимал ли сам Михаил Сергеевич, что получится в результате этого начинания, какие метаморфозы произойдут со страной за последующие двадцать лет? Представлял ли масштаб изменений не только в экономике и политике, но и масштабы перестройки мировоззрения, психологии всех своих сограждан?

Думаю, вряд ли. И не потому, что был недалекovidен. А потому, что этот опыт перемен оказался уникальным. И вряд ли мы до конца его осознали.

Я шла по Суворовскому проспекту, всматривалась в витрины магазинов и лица прохожих, стараясь найти и зафиксировать эти изменения. Вот салон элитной мебели «Олигарх», фотосалон иностранной корпорации «Canon», с помощью услуг которого мы останавливаем мгновения сегодняшней жизни. Лощеное здание банка и напротив – обшарпанный винный магазинчик, у которого привычно кучкуются уже изрядно повеселевшие безработные и бомжи. Но тем не менее не забывают поклянчить у меня мелочь. Середина рабочего дня...

А по проспекту мчатся машины. Много машин. Ну, «Жигули» – это мы видали и до перестройки, а иномарки – да, новый штрих к портрету большого города. В них – вполне обеспеченные граждане, они смогли «перестроиться» и заработать себе на такую жизнь, какой до перестройки никто и помыслить себе не мог.

Почему одни люди смогли измениться, «вписаться» в новые экономические условия, а другие остались на обочине жизни? Что мешает огромному количеству россиян жить так, как они мечтали об этом в юности? Или как мечтают жить сейчас?

Почему? Мы же все, ну или почти все – добрые, хорошие, мы были честные и щедрые. Были? И еще мы – особенные. И остаемся особенными. Эти особенности были причиной многих наших прошлых побед. Не стали ли они же источником нынешних поражений?

До Клиники психотерапии Андрея Курпатова на Таврической улице я дошла с твердым желанием отыскать особенную и главную причину наших проблем и неудач.

* * *

Ну, первую отличительную особенность нашего народа я могу назвать и без обращения к психотерапевту: это – грандиозные задачи, которые мы любим перед собой ставить. Повернуть реки вспять, выполнить пятилетку за три года, устроить мировую революцию, принести коммунизм всему миру... Идея поставить диагноз всей стране – примерно из этой же оперы. Но все же не совсем. Действительно, самое важное в любом деле – цель, которую ты перед собой ставишь. И конечно, средства, с помощью которых планируешь ее достичь. В исто-

рии с мировой революцией мы преследовали странную цель – сделать ИМ хорошо, осчастливить все человечество. Правда, исходя из собственных представлений об этом «хорошо», но сейчас не об этом речь. Взявшись за эту книгу, мы поставили перед собой цель более приземленную и домашнюю – разобраться, как сделать хорошо НАМ самим. И достигать ее собрались ненасильственными методами.

Поэтому и сформулируем цель иначе: в этой главе мы будем искать главную психологическую проблему, которая мешает нам жить. Хотя, как ни называй, аналогия с врачебной практикой все равно остается. В карточке больного сначала пишется основной диагноз и только потом – сопутствующие.

– Андрей, давайте вначале расставим акценты. В этой серии уже вышли книги «Секс большого города» и «Деньги большого города» и выйдет еще несколько. О чем вы уже успели рассказать подробно в других книгах и какие «мишени» определили для себя в этой?

Кстати, слово «мишень» – это не только термин из военного дела. В психотерапии так называют самые глубокие, базовые, корневые проблемы человека, на которые накручиваются все остальные, внешние его неурядицы. И именно с ними работает специалист. Помните анекдот про мастера, который кувалдой корабль чинил? Потребовал за работу 100 долларов, подошел к кораблю, походил, посмотрел и – ударил разок по корпусу. И корабль тронулся с места. А когда возмущенный заказчик спросил: «И что, я должен платить 100 долларов за один удар кувалдой?» – мастер ответил: «Нет, за удар я беру один доллар, а 99 – за то, что я знаю, куда ударить». Вот это «куда ударить» – и есть психотерапевтическая мишень. Кстати, гонорар психотерапевта тоже на 99% состоит из того, что он правильно определяет эти «мишени».

– Первая книга в этой серии – «Секс большого города». Она о том, как современные женщины ощущают себя в отношениях с современными мужчинами. А ощущают они себя неважно... Мы не слишком об этом задумываемся, но женская эмансипация, начавшаяся почти полтора века назад, уже сделала два полных круга и зашла на новый, на третий. Первый круг был очень важным – женщины обрели социальные права и перестали именоваться «вторым полом». Успех!

Второй круг, или, если хотите, виток, на который зашла женская эмансипация (теперь уже, точнее говоря, это феминизм, а не эмансипация), на мой взгляд, принес женской половине человечества весьма спорные победы и трофеи тоже весьма сомнительного качества – произошла самая настоящая девальвация мужественности, а «мужчина» превратился в вид хиреющий и вымирающий. Самим женщинам от этого стало не по себе, они исполнились негодованием и попытались силой выбить из мужчин мужественность – высечь, так сказать, огонь из камня. Но получили, как, впрочем, и следовало ожидать, обратный результат. И ситуация благополучно зашла в фатальный тупик. Третий виток...

В общем, по этому вопросу у меня есть несколько соображений, но книгу я адресовал не теоретикам, а практикам и рассказывал в ней не о том, что и как случилось в процессе внутри- и межполовых трансформаций последних полутора веков, а о том, как теперь женщинам жить со всем этим безобразием. Признаюсь, сделал это по необходимости. Уж слишком часто у меня спрашивают: «Как выйти замуж?» А тут все неправильно, начиная от самой постановки вопроса. Сплошные фантазии и очень мало здравого смысла, стремления разнообразными и ноль осмысленности. Вот, собственно, к этой осмысленности своего женского существования в пространстве мужчин я и призывал моих читательниц со страниц «Секса в большом городе».

Вторая книга серии – «Деньги большого города». Деньги – это по большому счету только бумажки, средство обмена между людьми, производителями товара. Но мы относимся к ним очень лично: мы их любим, ненавидим, стыдимся их, презираем, временами способны даже восхищаться ими. Все эти реакции слишком сильны и личностны, чтобы можно было адресовать их неодушевленному предмету. Почему? Потому что деньги давно стали для нас не просто предметом, но идеологической конструкцией.

Мы соизмеряем себя, других и вообще все вокруг с деньгами. Они стали мерой вещей, и не только вещей, но и мерой человечности, что уж, конечно, ни в какие ворота... Количество комплексов и предубеждений, связанных в нашем сознании и подсознании с деньгами, неприлично велико. Насколько это правильно? И как выработать в себе ровное, спокойное, взвешенное отношение к деньгам? Об этом мы и говорили с Шекией Абдуллаевой, когда писали эту книгу – «Деньги большого города».

Вообще же вся эта книжная серия в каком-то смысле – разговор о господствующих в нашем обществе взглядах, о наших представлениях о самих себе, о нашей так называемой ментальности. А проще говоря, о социальных мифах. Все книги серии – это дискуссия с существующими в обществе установками, которые, скажу вам как психолог психологу, страшная сила. Сеансы черной магии с последующим разоблачением... Мне кажется, об этом очень важно говорить. Ведь именно эти установки, социальные мифы – выступаю сейчас от лица доктора – провоцируют наши психологические проблемы, по сути культивируют и создают их. А как гражданин своей страны я считаю, что именно они – эти установки и социальные мифы – мешают нам развиваться, двигаться вперед, содействовать улучшению качества жизни огромного количества россиян.

– С какими человеческими иллюзиями вам чаще всего приходится сталкиваться во врачебной и консультативной практике? Они присущи человеку вообще или возникли в эти последние пятнадцать-двадцать лет?

– Вы правы, тут надо разделить – национальные, или, если угодно, социокультурные мифы и мифы (или лучше сказать – психологические иллюзии) общечеловеческого употребления. В свое время, когда я задумывал книгу «Самые дорогие иллюзии», то в оборот были взяты именно эти – вечные общечеловеческие иллюзии, можно сказать – «архетипические» мифы. А писал я эту книгу в следующем режиме: собирал группу пациентов Клиники неврозов им. И.П. Павлова и рассказывал им об этих иллюзиях, каждый раз о какой-то новой. «Сегодня я расскажу вам про эту иллюзию, завтра – про другую...» Всего получилось 15 таких лекций. Но потом, при сведении текстов, при выявлении принципиальных, узловых психологических заблуждений человека, у меня неожиданно получилось всего четыре основные иллюзии. Остальные, как выяснилось, лишь производные от этих базовых заблуждений.

Первая иллюзия – это **иллюзия счастья**. Суть ее в следующем: у человека есть ощущение, что счастье находится «где-то», что оно прячется за неким горизонтом, в тридевяти

царстве-государстве, что к нему надо совершить какой-то особенный прорыв, после чего искомое счастье и наступит, причем окончательно и бесповоротно – только бы добраться. Но, как всем нам хорошо известно, за каждым очередным таким прорывом обнаруживается, что счастье все еще за линией горизонта. Линия горизонта, вообще говоря, она всегда вдаль, и идти к ней можно до бесконечности. Собственно, с этой иллюзией боролись многие философы, по крайней мере восточного происхождения, ну и в особенности – психотерапевты: «Секундочку, – говорили они, – счастье только здесь и сейчас. Если вы сейчас не умеете его испытывать, то идти вам, собственно, некуда. Вы его все равно нигде не найдете, поскольку, если вы уже сейчас не испытываете счастья, его пока еще просто не существует в природе. Как можно его в таком случае найти?» Но в нас существует такой мотор, некий биологический механизм, который понуждает человека вечно куда-то бежать, ставить перед собой новые цели, достигать их, разочаровываться и заходить на новый круг. Поэтому мы постоянно испытываем неудовлетворенность и тем сильнее мечтаем об этом несбыточном, виртуальном, придуманном нами счастье. Впрочем, в книге это все яснее и понятнее, на мой взгляд, изложено.

Вторая иллюзия, которую я определил в качестве такой архетипической, базовой, – это **иллюзия опасности**. Если коротко, то тут такое дело: мы, по самой логике своего внутреннего устройства, все время предполагаем, что в будущем случится что-то плохое, какое-то несчастье. Будущее неизвестно, а жить в неизвестности ужасно, поэтому наша психика вынуждена рисовать себе будущее. Но рисовать она его может, лишь основываясь на своем прошлом опыте. А что значимо в нашем прошлом опыте? Нейтральные моменты жизни или, может быть, счастливые минуты? К сожалению, ни то и ни другое. Инстинкт самосохранения вынуждает нас помнить вещи неприятные – на всякий случай, как предупреждение, мол, бывает и такое, поберегись! И вот мы этот свой прошлый опыт проецируем в будущее и видим там неисчислимое количество самых разных опасностей. Но реальная опасность, скорее всего, придет откуда-нибудь из другой точки, будет иной по содержанию. Если какого-то несчастья нет в нашем опыте, то мы и не думаем о том, что это может с нами случиться. А несчастья бывают разными... В общем, как шутит доктор, любовь, равно как и прочие неприятности, нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь.

Третья иллюзия – **иллюзия страдания**. Суть ее такова: мы стремимся к роли слабого и беззащитного существа, поскольку, пребывая в этой роли, мы надеемся, что кто-то «сверху», увидев наши страдания, начнет нас опекать и защищать. Это, вообще говоря, такая стайная конструкция. В стае ты или вожак, или подчиненный. Если ты подчиненный – ты должен всячески изображать страдание, слабость, в этом случае ты с большей вероятностью находишь некие выгоды, преимущества, защиту со стороны сильных. Проявляя свои амбиции, ты, напротив, нарываешься на конфликт, подставляешься под удар и будешь бит. В общем, усмири гордыню и страдай, а за то тебе будет Царствие небесное иже еси на небеси. Относительно социальной выгоды страдания целые научные работы написаны и всяческие исследования проведены. Так что это не мои фантазии.

И последняя иллюзия – **иллюзия взаимопонимания**. Тут такая логика: за нашими словами скрываются некие значения (смыслы), которые у каждого из нас разные. Значения слов, которыми мы оперируем, рождаются из нашего собственного, личного опыта, который, несмотря на универсальность понятий, у каждого свой. Мы же этого не понимаем и никак не учитываем. Когда мы кому-то рассказываем, например, о своих чувствах и ощущениях, мы передаем эту информацию знаками. Мы говорим: «Мне больно. Я страдаю». Но «больно» бывает по-разному: если один человек испытывал в своей жизни только боль от занозы или от того, что стукнулся лбом о низкий потолок, а другой пережил боль значительно более острую, непереносимую, до крика, то они просто не поймут друг друга. Да и страдание бывает ох какое разное...

В общем, как ни крути и ни упражняйся, все равно получается классическая триада мыслительных конструкций, о которых я рассказывал уже во многих своих книгах и научных статьях¹ – «требования» (иллюзия счастья), «прогнозы» (иллюзия опасности), «объяснения» (иллюзия страдания). И собственно отношения знак – значение (отношение между ощущениями и образами подкорки, с одной стороны, и знаками, обитающими в сознании, – с другой) создают четвертую иллюзию – иллюзию взаимопонимания. Никаких других мыслей в наших головах нет, только «требования», «прогнозы» и «объяснения», вот и вылезают эти наши «автоматические мысли» (как называл их Арон Бек) в виде классических «иллюзий».

Это архетипические иллюзии, с которыми имеем дело мы все – независимо от исторического, так сказать, контекста и страны проживания.

Ну, насколько я понимаю, эти химеры преследовали еще древних римлян. Хотя вот так, по большому счету, у всех моих знакомых эти иллюзии присутствуют в полном комплекте, и совершенно точно портят им жизнь. Да и себя я узнала в этом описании, как в зеркало посмотрела повнимательнее... Но, наверное, это еще полбеды: жило же как-то человечество с этими иллюзиями испокон веков. Кажется, кроме «вечных» иллюзий за время этих глобальных социальных изменений мы заработали ряд своих, можно сказать, национальных.

¹ В частности, в книгах «Человек Неразумный» и «Средство от страха», а также в монографии «Руководство по системной поведенческой психотерапии». – (Прим. ред.)

Одна нога там...

– Андрей, у меня иногда возникает такое ощущение, что часть меня «перестроилась», а часть заржавела и осталась на месте. Смотрю на старшее поколение, на молодых – то же самое. Одни никак не могут выбраться из тумана холодного прошлого, другие уже барахтаются в горячем тумане настоящего. Но большинство – где-то посередине. Точнее, ни там ни сям. Одной ногой в прошлом, другая занесена над будущим. Очень неудобная поза, надо признаться. В общем, нет какого-то умиротворяющего соответствия человека и времени. Мы чего-то «не догоняем», чего-то не воспринимаем и делаем «криво»? Что?

– А так и есть: одна нога здесь, другая – там. И это вполне естественно: мы сформировались в одной культуре, а жить приходится в другой. Причем подчеркиваю – мы не просто *были* в одной культуре, а потом волею судеб *оказались* в другой. Нет, мы именно *сформировались* в другой культуре, делали *другой культурой*. А жить приходится в той, которая, кроме нескольких внешних признаков, ничем на нее не похожа.

Для жизни в воде животному необходимы жабры, плавники, определенная конструкция позвоночника, обтекаемая форма тела, чешуя и так далее. И, приспосабливаясь к этой среде обитания, эволюционные предки нынешних рыб формировали у себя эти самые жабры, плавники и прочие необходимые для жизни в воде органы и структуры тела. Формировали и сформировали. Но теперь рыбы, как бы они того ни хотели, не могут жить на суше. А млекопитающим, которые по земле бегают, будет, в свою очередь, плохо на дне морском. Причина та же – они для другой среды обитания формировались, под другие условия жизни «заточены».

Люди, в отличие от других животных, имеют две среды обитания: одну – биологическую (или физиологическую, если хотите), а другую – психологическую (или социальную, если угодно). В биологической среде нашего обитания за последние пятнадцать-двадцать лет изменилось немного (говорят, что из-за падения производства экология в России стала лучше, но и все вроде бы). А вот с точки зрения психологической, социальной – среда нашего обитания совсем другая.

Ведь что такое эта психологическая (или социальная) среда обитания?

Во-первых, информационная составляющая. Она изменилась кардинально! И дело не только в том, что информации стало больше, намного больше, а в том, что она стала теперь принципиально *другой*. И другой не только в смысле ее содержания, но и в том, как она структурируется, подается, анонсируется, кем и как транслируется, какие значения и коннотации приобретает, как осмысливается и интерпретируется.

Тут же черт знает что такое! То, что мы всех слушаем и никому не верим, то, что мы все понимаем, но ничему не удивляемся, – это не случайность, это наш нынешний формат отношений с информацией. Она девальвировалась, лишилась внутренней структуры, единой, интегрирующей ее логики. Мы живем в информационном хаосе – не прислушиваясь, не вникая, не интересуясь по-настоящему, не озадачиваясь, не вопрошая, не анализируя. Мы жуем информацию, совершенно не ощущая ее вкуса, то есть – смысла.

Не удержусь от того, чтобы бросить камень в огород журналистской братии: их перья к этому явлению приложились основательно. За редким и счастливым исключением нынешние журналисты-ремесленники складывают слова в статьи исходя из особенностей «производственного процесса», опираясь при этом на самые примитивные потребности будущего читателя и слушателя.

Без ответственного подхода к тому, чем отзовутся эти слова, без неотступных дум о цели и смысле того, что пишут. Их, конечно, можно понять: журналистика – это тоже производство, это поток, это конвейер. Но в результате... мы, читатели, постепенно устаем воспринимать этот белый, а чаще, черный шум и «отключаемся». Кстати, об этих издержках ремесла с горечью упоминает Шекия Абдуллаева – другой соавтор Андрея в этой книжной серии.

И к первому тут же примыкает второе...

Во-вторых, психологическая (социальная) среда обитания – это жизненные ценности человека и культуры в целом, приоритеты, смыслы – пресловутая «дихотомия добра и зла». И тут все у нас встало с ног на голову. Что «хорошо», а что «плохо» – богатство или бедность, равенство или успешность, любовь или здравый расчет, предприимчивость или восторженный романтизм, дружба или партнерство, развитие или приспособление, жизнь человека или цели общества? И вообще, в чем смысл жизни? Зачем? Откуда? Куда? С кем? Как? А верить во что?

Мы с колес меняем ценности и жизненные приоритеты, приспособляемся к новым смыслам и ностальгируем по старым. Одно порушено, другое – временка с новорусским размахом. В общем, это сумасшедший дом какой-то! Но мы это даже не фиксируем, не отдаем себе в этом отчета.

И в-третьих, психологическая (социальная) среда нашего обитания – это еще в каком-то смысле и внутренняя структура общества. Во всяком обществе есть определенные касты, сословия, кланы, слои и прослойки. Есть система отношений между ними и способы взаимодействия представителей разных групп. Есть и четко структурированное, внятное отношение между поколениями – кого за что уважаем, что от кого и почему ждем и как проявляем эти чувства. Есть во многих обществах и то, что называется «общественным договором» между поколениями. Все это есть, но не у нас. У нас – *было*.

А еще в большинстве обществ, не переживающих, как мы, эпоху глобальных перемен, есть авторитеты (в хорошем смысле этого слова). Это некие люди типа «культурные ориентиры» (где-то это политические лидеры, например в Китае, где-то представители собственно культуры, как в Западной Европе, где-то религиозные деятели, например в Иране. У нас все это тоже было. Причем ух как было! Кто начальник, кто дурак – было известно всем и каждому. Даже сомнений не возникало. «Вы не согласны с центральной линией партии?!» А сейчас?..

И вот мы как те рыбы, выброшенные на берег: психологически сформировались в одной культуре, в одном обществе, в одной социальной среде, а жить приходится в другой – чужеродной. Нам кажется, что мы хорошо умеем приспособляться, но кто такие – «мы»? Формирование личности человека завершается к 16–18 годам. Дальше никаких принципиальных изменений в структуре нашего внутреннего устройства уже не происходит, сама эта структура приспособляется. И если изменения среды серьезные, кардинальные, то и приспособление имеет лишь внешний характер. А вот внутренние противоречия остаются, внутреннее несоответствие этой внешней – социальной (психологической) – среде сохраняется в полной мере. К возрасту ранней взрослости рельсы в нас уже проложены, осталось только ездить. Никаких капитальных перестроек в нас уже не будет, только развитие, умеренная реконструкция и реставрация того, что есть в наличии.

Невеселый вывод психотерапевта. А ведь многим людям, и мне в том числе, кажется, что мы способны к кардинальному изменению себя в любом возрасте, именно на этом убеждении часто строятся мечты о лучшей жизни. Вот стану веселым и жизнерадостным – и люди ко мне потянутся.

*Вот увеличу работоспособность в два раза – и добьюсь больших успехов.
Изменяю в себе это качество, стану другим человеком – и сразу будет у меня
другая жизнь, другая судьба. Оказывается, это тоже иллюзия?*

Поэтому действительно: одна нога здесь, а другая – там. Так и живем. Одна нога на одной стороне (СССР), вторая – на другой (РФ), а тело повисло над пропастью. И щель увеличивается, разверзается, я бы сказал, с каждым днем, с каждым часом. Была бы у нас вера в некие идеалы или в Бога, она дала бы нам возможность держаться, не ощущать этой ужасной внутренней паники, потерянности и растерянности. Но мы ведь и верить-то по-настоящему потеряли способность! И вовсе не потому потеряли, что мы какие-то плохие, недоразвитые или проклятые до скончания веков, а потому что нельзя ТАК уверовать дважды. Как-то, конечно, можно и во второй раз, после разочарования, уверовать, но истинно – как оно *может* быть – это только один раз в нашей жизни случается.

Раньше, в СССР, мы искренне и истинно верили. У нас был «Бог», самый настоящий, со всеми чертами и атрибутами. Звали его – Владимир Ильич Ленин. Как сейчас помню, в гимне нахимовцев (когда я был этим самым нахимовцем) так и значилось: «Вперед мы идем, с пути не свернем, потому что мы Ленина имя... в сердцах своих... несем!» Трампам-пам! И разумеется, это не только нахимовцев касалось. И были, кстати сказать, у этого нашего секуляризированного «Бога» свои «апостолы» – большевики, чьими именами назывались города (Свердловск, Куйбышев, Калинин, Фрунзе, Горький и т. д.), и своя «Церковь» была (коммунистическая партия – КПСС) во главе с «папой» (генсеком) и «архиерейским собором» (ЦК, Политбюро), был и «Рай», кстати сказать, «загробная жизнь», «второе пришествие» – маячащий на горизонте коммунизм и разрекламированное на все лады «светлое будущее».

В общем, это была вера самая настоящая. Полный комплект признаков. Ни для психолога, ни для психиатра сомнений никаких. А вера – психологически – штука, которая возникает по механизму импринтинга: один раз возможно и накрепко, а второй раз – как ни старайся, толку не будет, лишь некое подобие. И так мы, еще в молодые годы, усваиваем некий «объект» веры (сначала неосознанно принимаем как некую данность, не требующую обоснований), а дальше включается определенная внутренняя механика нашей психики, на этот «объект веры» направленная, он закрепляется, и формируется *вера*. В ней, может быть, и здравомыслия не много и логики никакой, но если мы поверили, то нас потом не переубедишь и за уши не оттащишь...

Впрочем, если переубедишь (а нас в лихие годы перестройки сильно переубеждали, с фактами на руках уговаривали – помните эту новость о том, что Ленин расстрельные листы подписывал? – ух!), то второй раз заставить нас во что-то поверить по-настоящему не получится. Не поверим мы, и баста! Импринтинг уже был, второго Бога не предвидится. Пленка засвечена. Новый снимок сделать, конечно, можно, но вот только ни того, что было на этой пленочке раньше, ни того, что теперь отпечаталось, уже не разобрать. Каша и грязь. Что-то подобное раньше люди в связи с религиозными вопросами испытывали: «Стыдно мне, что я в Бога верил // Горько мне, что не верю теперь» (это по Сергею Есенину), а мы – в связи с крахом марксизма-ленинизма. И хотели бы сейчас во что-нибудь уверовать, и стараемся, а как ни рядимся, получается одна профанация.

И вот на фоне всего этого безобразия и культурологической неопределенности, в состоянии потерянности и катастрофического несоответствия своей внутренней структуры внешней среде (социально-психологической, разумеется) живет и пытается быть счастливым человек – постсоветский и новороссийский. Так возможно ли для него счастье?

Как, например, он ощущает сейчас семью и брак? Что это для него теперь? Это для него то же самое, что было двадцать или, например, сорок лет тому назад? Нет, конечно. Мой папа, например, когда делал предложение маме, выразился следующим образом: «Как

ты насчет того, чтобы создать новую ячейку общества?» Разумеется, это только оборот речи, кажется, что простая формальность. Но давайте задумаемся, что за ним – за этим «оборотом» – стоит? Совершенно особое отношение не только к себе и партнеру, но прежде всего к обществу, которое конституирует эту связь между мужчиной и женщиной. Общество не только узаконивает их связь официальной регистрацией брака, но и определяет роль и место появившейся «ячейки» в своей структуре, присваивая ей определенные права, обязанности, статус, ответственность и так далее. Причем не общество это делает. Это делают сами люди, движимые тем императивом, который в них это общество укоренило.

А что сейчас такое – «брак»? Мы его «для кого-то» заключаем? Или уже только для самих себя? Только для самих себя. Современный мужчина, надумавший наконец вступить в брак, решает это для самого себя. Современная женщина, получившая наконец заветное приглашение, решает это для самой себя. Общество и государство лишь формально фиксируют их отношения. Точнее, молодожены не воспринимают больше свое решение как «социальный акт». Заключение брака стало для людей теперь *личным актом*, личным выбором, личным событием, фактом, как говорится, личной биографии. А потому с такой легкостью и в таких безумных количествах происходят разводы, процветают внебрачные связи, пышным цветом растет двоеженство (когда мужчина живет на две семьи).

О новых форматах и проблемах современной российской семьи у нас с Андреем еще разгорится жаркая дискуссия на страницах другой книги – «Психология большого города». И не во всем мы сойдемся во мнениях.

Брак настолько перестал быть существенным социальным институтом, что даже формат «любовницы», «любовника» вышел из употребления. Люди не говорят сейчас: «У меня появилась любовница», «Я тайно встречаюсь с любовником». Нет, они говорят: «Я встречаюсь с женатым мужчиной», «Моя партнерша официально замужем». В период моей работы на кризисном отделении Клиники неврозов им. И.П. Павлова чуть не в половине случаев в графе «семейное положение» амбулаторной карты значилось – «формально замужем». Попытайся здраво кому-нибудь объяснить, что это значит – «формально замужем»... Ничего ведь не получится.

«Любовницы» и «любовники» были всегда, но был и «брак». Поэтому, даже если на каком-то уровне существование любовницы (любовника) обществом допускалось, брак все равно стоял превыше всего и определял роли участников соответствующей драмы. А потому измена была событием, неким актом. Так что в процессе измены психологически, вольно или невольно, страдали обе стороны – и изменяющая, и та, которой изменяли. И это, безусловно, было фактором, психологически скрепляющим брак, делающим для конкретного человека «добросовестное» пребывание в браке более психологически ценным, более позитивным явлением. А сейчас – нет. Страдает только тот, кто оказался выброшен на обочину, – страдает, терпит, боится сопротивляться происходящему, смиряется. А изменяющий угрызениями совести уже не мучается и под осуждающие взгляды окружающих не попадает. Свобода! И пошло-поехало...

Какое отношение к этому имеет смена ценностей в обществе? Тут все очень просто... Государство отступилось от брака, а ценность «свободы», в том числе и половой свободы, мы приняли быстро и без особых дебатов. В результате брак (подразумевающий супружескую верность) потерял статус «священной коровы». Не могу сказать, плохо это или хорошо, что так случилось. Не мое это дело – высказывать подобного рода суждения... Но я знаю, что в этой ситуации действительно плохо. Плохо то, что сексуальную свободу мы восприняли как ценность, а вот о ценности человеческой жизни не подумали.

Причем речь идет именно о *жизни*, а не о биологическом существовании. А ценность человеческой жизни в истинном значении этого слова – это не только ценность жизни как

таковой, но и то, *как* человек живет. Иными словами, речь идет о ценности *качества* человеческой жизни, о ценности внутреннего мира другого человека, значимости его чувств и переживаний. Но это у нас как-то не закрепилось... Секс – закрепился, а ответственность перед другим человеком – нет. И не возникло естественного противовеса ценности сексуальной свободы. В результате брак перестал быть общественно-ценным (мы ни на кого не оглядываемся – хотим и женимся, хотим и разводимся, а хотим – вообще в «гражданском браке» живем, в «гостевом браке» или «свингерами»), сексуальная свобода пошла «в разгуляево», а то, что кому-то больно, потому что ему изменяют, – на это нам наплевать. Тут, в этом пункте, у нас в мозгу ничего не ёкает. Мол, перетопчется.

Вот и разговор о ценностях. Начинаем с общего, а приходим к частному – к конкретному человеку. Именно он в результате всех этих трансформаций страдает, и страдает по настоящему, без дураков.

В общем, сексуальная революция в каких-то очень непонятных формах и видах в России случилась (можно нас с этим «поздравить»), но при этом здорового представления о том, что такое брак и как нужно к нему подходить – пока у нас не сложилось. Для нас брак – это по-прежнему все та же языческая фата, лимузин как демонстрация купеческой роскоши и застолье с масовиком-затейником из времен советской юности. А то, что брак – это ответственное партнерство двух взрослых людей, – это у нас в головах пока как-то не отложилось. «Я в брак уже сходил – ничего интересного», «замуж выскочила и обратно», «сошлись да разбежались» – вот и весь брак, прости господи.

Когда одну из моих книг переводили на немецкий язык, обсуждались и другие мои книги – «Как пережить развод?», «Секс большого города с доктором Курпатовым». Я сказал, что они не подойдут для немецкой аудитории, но переводчица потом несколько раз перезванивала и взволнованно сообщала: «Вы знаете, а у нас ведь тоже очень много разных психологических проблем, у нас тоже женщине очень сложно выйти замуж». Нет, не «тоже»! Там другие причины, совершенно! Потому что там совершенно иное представление о том, что такое брак, семья. И это отношение к браку формировалось долго, на фоне весьма определенных экономических и других обстоятельств. Другая история!

Развод в Германии – это же не просто событие, это гигантское событие. Если мужчина инициировал развод, он потом по гроб жизни своей бывшей жене обязан – там какие-то страховки, раздел имущества, пенсии и так далее. Конец света! И они очень серьезно подходят к этому. И тут дело не в юридических особенностях. Просто есть ценность человеческой жизни, ценность ее качества, чувств человеческих, а потому если ты нарушил обещание, то закон, соответственно, принуждает тебя компенсировать нанесенный человеку ущерб. И это уже психология. Так что, если я гражданин ФРГ и строю семью, я это делаю основательно, а не для того, чтобы иметь на стороне любовницу. А если я американец, то для меня брак и вовсе – коммерческое предприятие (в смысле ответственности, распределения обязанностей, кредитной платежеспособности и так далее). Я заключаю брачный контракт не для того, чтобы отпираться «налево» и получать за это штраф...

Так что сексуальная свобода может быть – пожалуйста, но она должна быть как-то компенсирована, уравновешена, введена в рамки. Она не может быть – «одной только сексуальной свободой, и только». Ценности не существуют сами по себе, в отрыве от людей и их психологии, и каждая из них не существует отдельно от других ценностей. Они все взаимосвязаны, и эта взаимосвязь должна отстроиться, выстроиться, гармонизироваться. За десятилетие этого не происходит. На это нужны поколения.

Сейчас положение немца или американца может показаться нам ужасным – «Боже мой, никакого права “налево”!» Но ничего ужасного в этом нет: если ты внутри этой культуры, то ты и чувствуешь по-другому, учитывая все составляющие, все нюансы, все моменты. Ведь когда у тебя с супругом настоящий контракт, настоящие партнерские отношения, то и в семье

все принципиально иначе. Нет жены, которая транжирит мужнины деньги (а он в результате считает, что все свои долги ей уже отдал и с чистой совестью ходит «налево»), супруги вместе зарабатывают. Нет и мужа, которому наплевать на здоровье своей жены. Такого просто не может быть! Ее здоровье (равно как и его здоровье) – это их совместная ценность, причем измеримая в цифрах. Это серьезно! И это не значит, что они друг друга в деньгах меряют, нет. Просто условия таковы, что они думают друг о друге по-другому. У нас же отношение к здоровью супруга наплевательское, никому даже в голову не приходит охранять его, холить и лелеять. Пока «Скорую» не надо вызывать, до тех пор – «все нормально».

А ведь это правда. Горькая, но правда. Хотя, честно говоря, я раньше вот так, глобально, об этой нашей особенности не думала. У нашей соседки по квартире муж пьющий был. Ну обычное дело, шофер, дальнбойщик, все после рейса выпивают. Потом стал пить большие и чаще, начались запои, прогулы, проблемы на работе. Соседей по ночам стал будить – «стрелять» на пиво. Мы говорили соседке, что дядю Сережу надо спасать, что это болезнь, что ее лечат и пора уже к доктору. Но ей почему-то казалось, что это он просто из вредности да от распушенности, да потому что друзья такие, и больше волновал вопрос, как бы он всю зарплату не пропил. В конце концов она осталась вдовой с несовершеннолетней дочкой – дядя Сережа возвращался пьяный домой и замерз в сугробе. Если бы тетя Наташа вовремя поняла, что ее супруг просто болен и ему нужна врачебная помощь, если бы по-другому отнеслась к этому – может, и не случилось бы этой трагедии?

– То же самое касается отношений с детьми. Раньше у нас дети были – кто? Ну там – «отпрыски»: «Я тебя породил, я тебя и убью!» «Общество требует, чтобы я тебе внушил, как жить правильно, и мне боязно перед обществом. Так что и я тебя заставлю быть каким надо, введу, так сказать, в рамки приличия», – вот логика размышлений родителя.

Если просмотреть какое-нибудь советское пособие по воспитанию детей, то внутри ведь прямо похолодеет! С одной стороны, все вроде бы правильно, но с другой – как-то не по-людски, не по-человечески. Стройбат. Или даже штрафбат.

И тем не менее у нас были очень четкие представления о воспитании детей, об отношениях с ними. Хорошие или не очень – это другой вопрос. Но твердые. Системные. Не подкопаешься: «Взрослый – старше, его надо уважать, он всегда прав», – и так далее. Сейчас все изменилось. Какой-то Армагеддон между поколениями... Родители продолжают функционировать в прежней парадигме, а детям в телевизоре говорят, что, мол, вы на все имеете право, можете делать все, что угодно. «За-жи-гай!»

Посмотрите музыкальные телеканалы, сериалы для подростков или радио послушайте, кумиров молодежи – Бачинского со Стиллавиным. Это по окрепшим-то мозгам взрослого удар ниже пояса – несчастные смущаются и морщатся. А по детским?.. И это ведь еще «цивилизованные», прошедшие некую «цензуру» формы взаимодействия с детьми. А что уж происходит в так называемых «референтных» группах подростков – в компаниях сверстников (в школе, во дворе, в ночных клубах). Об этом, как говорится, лучше и не думать... Хотя, конечно, следовало бы крепко задуматься.

В России средний возраст начала половой жизни ее гражданами – 14 лет 8 месяцев, а каждый четвертый школьник хотя бы раз в жизни пробовал наркотики (по Ленинградской области, например, есть исследования – каждый третий). Это как себе представить? В голове не укладывается! И как мы на это реагируем? Глаза закрываем (от ужаса, вероятно). Делаем вид, что вообще ничего не происходит, – наши дети ангелы и херувимы, а мы слепы и глухи. Аля-ля, аля-ля... Ничего не слышу, ничего не знаю, моя хата с краю... Но это *наши* дети!

Андрей приводит данные научных исследований, уже одни эти цифры способны привести в ужас. А у меня дом в деревне в этой самой Ленинградской области, и эту статистику я ВИЖУ собственными глазами. Пятнадцатилетние девочки-проститутки, шестнадцатилетние мальчики, которым на вид можно дать не больше двенадцати-тринадцати: их физическое развитие остановилось из-за приема алкоголя и дешевых наркотиков. Смотреть на это действительно трудно...

Хотели в школах уроки сексуального просвещения ввести. Предприняли рискованную попытку. Какая у всех истерика массовая случилась – это же не передать словами! Наши половозрелых херувимов развращают! Я даже участвовал в такой комиссии по «разбору полетов». Впрочем, не в комиссии как таковой (я бы этого не выдержал), а в диспуте по анализу результатов ее работы. Сами уроки, конечно, я вам честно скажу, носили юмористический характер. Все как в анекдотах про Вовочку, которому папа пытается половые отношения разъяснить на примере цветочков и жучков. Выходит такая солидная дама с начесом и в костюме – классическое РОНО – и давай десятиклассникам про любофф рассказывать... Особенное приключение, конечно.

Но дело не только в этом (хотя, конечно, над формой следовало бы подумать). Дело в том, что у нас все это сексуальное просвещение запретили категорически – мол, не просвещение это, а «растление малолетних» в особо тяжелой форме. А в Дании и Голландии (то есть там, где эти программы действуют уже десятилетия и являются обязательными для школьников) за период соответствующего просвещения средний возраст вступления в половую жизнь подростков изменился с 15 лет до 17–18. А у нас – 14, и мы сидим – про цветочки детям рассказываем, на уроках биологии, между делом. Закрываем глаза на детскую и подростковую сексуальность, словно если глаза закрыть, то ее сразу и не станет. Нет, не исчезнет она никуда. Дудки. Без присмотра дети сами будут образовываться. А с учетом нынешних возможностей можно не сомневаться, что процесс этот пойдет быстро и, мягко говоря, не самым лучшим образом.

В общем, дети у нас существуют в мире, который по причине своей тотальной неорганизованности уже предоставил им все права на все. А родители детей так и не поняли, что случилось. Соответственно, продолжают свою шарманку крутить: «Мы старше, мы знаем, как правильно, нас надо уважать» и прочее, и прочее. Дети же на это вполне резонно (со своей точки зрения), но молча вопрошают: «А за что, собственно, уважать-то?» Родители, словно слыша это, в ответ сбиваются на нервный, надрывный крик: «Мы работали, спину гнули, горбатились, добились всего своим трудом!» Ну, а это для детей уж и вовсе – сплошная высшая математика: «Не олигарх? Тогда чего добились? Спину гнули? Ну, а это потому, наверное, что дураки. Известно же, что “нормальные” люди (в смысле не “лохи”) все получают быстро и даром – места хорошие знают. Горбатились? А кто вас просил? А то, что работали... Да, кстати, а что такое работа?» Вот и поговорили.

Они ведь – дети наши – в той культуре живут, в которой они живут. Им про важность и ценность труда непосильного да беззаветного никто и ничего в этой жизни не рассказывал (кроме родителей, которые, разумеется, для детей никакой не авторитет). Я вот, например, про Стаханова в учебнике истории читал и Любовь Орлову помню, которая идет по ткацкой фабрике, одна выполняя работу за целый цех прядильщиц. И все это воспринималось-то с восторгом. А сейчас? «У меня есть “бумер”, он всегда со мной» – вот и весь сказ. А еще к нам в школу приводили героя соцтруда, который, сидя перед всем нашим классом, со звездочкой на лацкане пиджака, рассказывал детям про свои трудовые подвиги. Причем со вкусом рассказывал! Аж зависть брала! А нашим что сейчас показывают и рассказывают? Совершенно другая история...

И тут вдруг: «Уважайте нас за то, что мы работали!» Да для них – современных детей – это наше с вами такое прочувствованное заявление о труде и уважении как песня на тарбарском языке звучит. Слово «уважение» они не понимают, поскольку ветераны, победители в самой страшной, великой войне, никому не нужны – за чертой бедности живут. О каком *уважении* речь?... Где оно?

Да и слово «работа» они не чувствуют должным образом, потому как это понятие с недавних пор и вовсе химера какая-то, ведь работа и вознаграждение (достаток) в современном российском обществе перестали соприкасаться друг с другом. У нас ведь бедность – это во множестве случаев удел работающего населения, чего во всем более-менее развитом мире не сыщешь, хоть с фонарем посреди бела дня бегай. Если на Западе у человека есть работа, то это уже автоматически означает, что он не бедный, а у нас и с высшим образованием человек – врач, учитель, инженер – может быть бедняком.

А чтобы ребенок понял, что такое «уважение», он должен его на себе почувствовать, иначе – никак. А чтобы ребенок понял, что есть «работа», «поступки», «ответственность», – эти ценности родитель не декларировать должен, а на своем примере демонстрировать. Причем не факультативом, а так, чтобы это ребенку было понятно, чтобы он это видел, чтобы это ему становилось, в процессе созерцания процесса, интересно. В противном случае нужных представлений и социальных навыков у него просто не сформируется и винить потом будет некого. Сами виноваты – не показали, не научили, не дали почувствовать.

Психологам-то все это понятно. Но одно дело понимать, другое – уметь донести до собеседника. А донести, как правило, не получается. Приходят родители с «проблемными детьми» к психологам и слышат про свое чадо: «Вы должны проявлять уважение к ребенку! Он же личность!»

Но для конкретной родительницы эта рекомендация звучит как полная ахинея и бред сивой кобылы. «Да какая он личность?! – восклицает обескураженная мамочка, пред тем как зычно хлопнуть дверью. – Личность бы так себя не вела! А он то-то не делает и там-то нарушает! Здесь, что ему сказали, не выполнил, тут поленился. А еще врет, ворует и дураком прикидывается! Тоже сказали – *личность*!»

Ей: «Нет, вы не понимаете, он личность!» А она: «Ага! Щас, конечно! Да он мне на шею сядет, ножки свесит и поедет! Дудки!»

И права в принципе мама. Поскольку сама она не слишком хорошо представляет себе, что такое «личность», что такое «уважение», что такое «партнерские отношения с другим человеком», которым, как ни крути, все-таки является ее ребенок. Не представляет, потому что не было у нас таких ценностей прежде. «Общество» было, «равенство, братство» – было. А вот «партнерства», например, не было. Да и «уважением» называлось не уважение, а пие-тет – мол, кого сказали, того и уважаем, восхищаемся даже, на транспарантах носим. Не было в этом нашем уважении должной осмысленности, именно поэтому и ветеранов теперь позабыли. Уважали бы по-настоящему, как на Кавказе стариков уважают или в Японии, ничего бы подобного не произошло. Но, видимо, неправильно уважали, раз так быстро вычеркнули их из списков. «В списках не значился...»

В общем, тяжело нынешним родителям воспитывать современных детей, когда у них у самих, у родителей, никаких навыков жизни в обществе новой формации нет. Только теория, и то – в лучшем случае. Если же с ребенком с самого начала не строить партнерских отношений, если сразу не предоставить ему возможность быть личностью (не номинально, а по ощущению), то перспектива действительно угрожающая.

Да, с родителями родом из советской эпохи у нас вообще беда. Недавно была в гостях у школьной подруги. Конечно, за 20 лет с момента окончания школы мы сильно изменились. Внешне – это понятно, но и взгляды на жизнь тоже поменялись кардинально. Разговаривать со Светланой мне было

легко и приятно, «наш» человек. Либеральные ценности, демократические принципы, свобода слова, вероисповедания, терпимость к инакомыслящим – просто готовый депутат Госдумы от правой партии. И тут на кухню, где мы гоняли кофеи, зашел ее сын-подросток сообщить маме, что идет гулять. И тут Свету подменили: жутким жестяным голосом она потребовала от сына, чтобы он не смел общаться с Вовчиком из соседней парадной, потому что тот подонок, и чтобы пришел домой не позже девяти, и чтобы не пил «колу», так как это отравя. А парню 15 лет. И все это – при мне, чужом человеке.

Не знаю, что чувствовал в этот момент ее сын, но мне захотелось найти поблизости какой-нибудь блиндаж и спрятаться от этого артобстрела. Или уменьшиться в размерах и уползти в ближайшую щель.

И уж точно расхотелось беседовать на тему о свободе личности.

Еще хуже дело обстоит с «производственными отношениями». У нас ведь потрясающе дефектное отношение к работе! Работать в СССР было необходимо, обязательно даже, за тунеядство статья действовала, а зарабатывать – нет, нельзя. Только «получать». И не то «получать», что ты заработал, а то, что тебе «дают», по странной схеме «насчитывают», «трудодни» какие-то и «человекочасы». И вот в результате всего этого безобразия у нас понятия «работа» и «деньги» как-то не срослись, развелись даже. Причем забавно: «халтура» и «деньги» – это в нашем сознании почти синонимы. Мол, пошел на «халтуру» – значит, что-то да заработает. Даже как пить дать заработает! А вот пошел на «работу» – и не надейтесь, оставь надежду всяк сюда входящий. В общем, «работа» и «деньги» – они у нас как «да» и «нет».

И получается, что «работа» – это для нас просто некое место, куда нам дают «пристроить» трудовую книжку и провести некие, полумистические, на мой взгляд, бумажные мероприятия с пенсионным фондом. При этом нам заранее, уже где-то даже на уровне подсознания, абсолютно ясно, что мы здесь – «на работе» – никогда хорошо зарабатывать не будем. Априори это понятно. И мы сознательно идем на это! Ну где еще в цивилизованном мире возможна такая история, что человек приходит на работу, ему говорят: «Ты будешь получать сто долларов», а он: «Ну, сто долларов так сто долларов». При этом все прекрасно понимают, что на сто долларов не прожить и поэтому он будет «свои деньги» зарабатывать «по-левому» – халтурами, воровством, дополнительными нагрузками и так далее, а значит, свою работу нормально никогда не выполнит. Или основная часть зарплаты в конверте... Работаешь и чувствуешь себя преступником.

Это катастрофически неправильное отношение к работе.

Ну, в этом смысле ситуация у нас в стране потихоньку меняется. Друг мужа недавно сообщил нам с превеликой гордостью, что специально перешел из одной компании в другую на такую же должность и даже чуть меньший оклад только потому, что зарплату там платят «по-белому». Правда, принципиальности здесь было, на мой взгляд, чуть меньше, чем трезвого расчета: через несколько месяцев он смог взять в банке ипотечный кредит и успел въехать с беременной женой в отдельную квартиру. Вот что значит «бытие определяет сознание», а экономика – психологию...

Мне кажется, это чистой воды катастрофа – наш ментальный переход от одной формы социального существования к другой. Все меняется: другие приоритеты, другие ограничения в виде экономических факторов, совершенно новые информационные потоки, способы работать с информацией. Всего этого раньше и близко не было. А человек – все тот же, прежний, со старыми, нажитыми «в прошлой жизни» установками и ценностями. Как это

все согласовать? А нормально и бесконфликтно – никак. Так что имеем, сами того не понимая, совершенно уродливые и чудовищные формы брака, отношений между поколениями, работы и так далее.

Мне должны! Миф о справедливости

– Андрей, а я все о своем. Так, может, все-таки есть что-то общее – неправильное – в голове, из чего вытекают и дефектные отношения человека в семье, с супругом, с детьми, и уродливое отношение к работе? Есть какой-то общий дефект системы под названием «Человек», из которого следуют, вытекают все эти мифические представления?

– У меня есть очень простой, хотя и абстрактный ответ на этот вопрос. Всего одна фраза из популярной песенки: «It's my life!» Ее ведь можно услышать, прочесть в двух вариантах: первый – «итс май лайв, джага-джага», а второй – «это моя жизнь, я это хорошо понимаю и собираюсь с этим что-то делать». Вот у нас пока в основном первый вариант – «джага-джага» и «ла-ла-ла». А предпочтителен был бы, конечно, второй...

Не привыкли мы так думать о своей жизни, что это *наша*, *моя* жизнь, и все зависит от того, как *мы* ею распорядимся. Нет ответственного отношения к тому, что такое «моя жизнь». Понимания, что вот она, выдана мне. Что родился я и умру, и должен провести этот промежуток времени так, чтобы быть счастливым. Все остальные идеи о том – почему мы, откуда мы и зачем, являются, к сожалению, абстрактными и базируются только на вере. Можно верить в то, можно в это, но все это только гипотезы, допущения. А из ощутимых, фактически существующих факторов, определяющих качество и ценность нашей жизни, это только вопрос удовольствия – в самом широком смысле этого слова (то есть это далеко не только физические удовольствия, но и эмоциональные, душевные, духовные). Удовольствие, которое мы получаем от нашей жизни. Удовольствие, которое, кстати сказать, нам никто не обязан давать.

В общем: «It's my life!» Это *твоя* жизнь. Живи и распоряжайся ею. Не думай, что кто-либо сделает это за тебя. Займись ею. Сделай ее такой, какой ты хочешь ее видеть. Ощути счастье этого факта – *ты* хозяин своей жизни! «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» – эту фразу надо переделать. «Я другой такой жизни не знаю, где так вольно я могу дышать» – акромя моей собственной, разумеется. Так будет правильно. Да, в этом мире есть лишь один человек, который способен нас контролировать, который распоряжается нашими возможностями, резервами и свободами. Этот человек – мы сами. И это право контроля – есть личная привилегия и личная ответственность каждого из нас.

Но мы как-то совсем не радуемся, когда вдруг осознаем, что, кроме нас самих, наша жизнь никому особенно не нужна. Что, кроме нас самих, никто не будет заниматься улучшением ее качества, ее пространства и глубины, ее продолжительности. У нас же самый гигантский, самый главный миф состоит в том, что мы живем в некой огромной, очень богатой стране и потому, соответственно, нам кто-то что-то за это должен, но не дает. Да, мы живем в огромной и богатой стране, но эта огромность и это богатство находятся «в потенции». Все это еще надо освоить, превратить из возможного в действительное. И для этого необходим труд. Иными словами, у нас по сравнению, может быть, с другими странами, больше возможностей, но и для реализации этих возможностей нужны соответствующие – очень значительные – вложения с нашей стороны.

Но мы – нет. Вкладываться не готовы, а получать – всегда пожалуйста. И дальше начнутся странные разговоры про справедливость. Когда началась приватизация и каждому за его ваучер абстрактно пообещали автомобиль, никому и в голову не пришло, что этот автомобиль должен кто-то произвести. Причем не просто кто-то, а мы же сами и должны это сделать. Нельзя поделить шкуру неубитого медведя, но мы не только ее делили... Мы в мечтах уже и примерили ее на себя, и тепло ощутили в собственном воображении, а потом

впали в негодование, потому как нам показалось, что с нас эту шубу стянули. А ее никто не стягивал! Более того, заветный медведь еще из бора шишкинского не вышел – жив-здоровехонек. Мы делили то, что только возможно, а вовсе не то, что уже есть в наличии.

Что такое абстрактная справедливость? Фантазия и бессмыслица. Не бывает абстрактной справедливости. В этом случае я часто привожу пример с крокодилами. Крокодилы – сильные животные, мы на них смотрим и ужасаемся, думаем, что они хищники и людоеды. И вот кажется, повезло же им – сильные и зубастые, и все у них хорошо. Но при этом никто не задумывается над очевидным фактом: из ста маленьких крокодилят, вылупившихся из родительской кладки, до взрослого, половозрелого состояния доживут только три малыша, а 97 – умрут. Вот такая цена жизни этих сильных животных, у которых «все хорошо». А теперь можно поговорить о справедливости, но только с точки зрения крокодилов... В США из сотни открываемых «дел» (бизнесов) успешными оказываются не более пяти – и то когда экономика на подъеме. Справедливо это или нет? Или все крокодилы должны выжить, а все вновь открывшиеся малые предприятия должны принести баснословные состояния? Ну нет, наверное.

Но в нас прочно засел миф о некой справедливости. При этом давайте попытаемся понять, какой такой смысл мы вкладываем в это слово? Здесь главная конструкция – МНЕ ДОЛЖНЫ. Почему – они богатые, а я бедный? Почему – кто-то здоров, а я болен? Почему – кто-то родился красивым, а кто-то не очень? Несправедливо! То есть справедливость – это желание, чтобы у меня было все, чего я хочу. Никто же не хочет быть бедным, больным и некрасивым в этой конструкции! Все хотят в момент рассуждений о справедливости быть богатыми, здоровыми и прекрасными необыкновенно. Вот это, мол, было бы справедливо...

А здесь, мне кажется, Андрей слишком хорошо думает о людях. Пару лет назад моему знакомому сожгли любимую машину – «Плимут». Это было громкое дело – в Питере начали гореть дорогие иномарки. Как выяснилось позже, когда эту группу молодых поджигателей поймали, они таким образом радели за социальную справедливость и «выравнивали» благосостояние бедных и богатых, только с другой стороны. Так что констатирую факт – это чудное желание немножко поэкспроприировать экспроприаторов или, по крайней мере, сделать их чуть беднее, на мой взгляд, не умерло в нас окончательно.

Вообще, это ощущение – что Андрей судит о людях лучше, чем они есть на самом деле, – будет преследовать меня все время работы над книгой. Почему? Ответ на свой немой вопрос я получу в самом конце, в главе о свободе.

– Эта установка, требование – «МНЕ ДОЛЖНЫ» – присуща в той или иной степени каждому человеку, но в России она имеет трагическую судьбу и трагические же масштабы. Это просто какая-то навязчивая национальная идея – идея справедливости, которая кем-то когда-то была вероломно попорана. Почему так получилось, я думаю, понятно. У нас отняли родину, люди потеряли и моральные ценности, и материальные (я имею в виду доперестроечные накопления и прежние, какие-никакие, социальные гарантии). Но ведь это не вопрос причины – почему мы оказались в такой ситуации, это вопрос реакции – как мы повели себя в ней. Не думаю, что положение немцев после Второй мировой войны было лучше нашего, но они взялись за дело и сейчас являются мировыми лидерами. А мы – нет. Мы расклеились.

Эпоха застоя породила своеобразное иждивенчество. И это объяснимо: ведь когда действует абсолютная уравниловка, совершать подвиги бессмысленно. Если, что бы ты ни делал, результат будет все равно одинаковым, одним и тем же, то легче вообще ничего не делать. А когда ты привыкаешь ничего не делать (а к «хорошему», как известно, привыкают

быстро), но при этом хоть что-то получать, то и возникает это пресловутое – *«мне должны»*. И это, возможно, самый опасный, самый зловредный миф нашего массового сознания, и из него все вытекает. Ведь если я не понимаю, что это *моя* жизнь, что я в ней действующая сила и полновластный хозяин, а поэтому *сам должен* с ней что-то делать, – я не построю нормальные отношения с детьми, у меня не будет счастливой семьи, не будет работы, которую бы мне хотелось. У меня вообще ничего не будет.

А такой миф у нас существует. Потому что у нас, в нашем замечательном советском обществе, была установка: за нас все решают, не высовывайся. Если партия сказала: «Надо», – ты ответил: «Есть», и без вопросов. У нас было все определено – хочешь ты этого или не хочешь. Но при этом система гарантировала определенный «соцпакет», а она у нас действительно очень много чего гарантировала. Играя по правилам, ты мог рассчитывать на стабильную и вполне себе вольготную жизнь. Это был такой достаточно честный договор между человеком и властью. И в целом система не глумилась над людьми, которые играли по ее правилам. За исключением, конечно, тридцатых годов, когда какие-либо правила перестали действовать. Массовая паранойя внесла в этот договор свои коррективы... Но там ведь одна война была, затем другая. Далее порядок был установлен.

И вот из этой прошлой советской жизни осталась у нас эта установка про «справедливость». «Справедливость» была коньком советской идеологии, у нас вообще была страна справедливости: «СССР – оплот мира», «Все равные возможности», «От каждого по способностям, каждому по труду» и так далее. И мы так уверовали в свою собственную, генетически присущую нам, буквально наследственную справедливость, что совершенно позабыли, что справедливость – это не манна небесная, а то, что мы можем сделать, если очень постараемся. Вообще социальная справедливость обеспечивается «общественным договором» – когда работающая и более успешная часть нации принимает на свои ответственные поручки тех, кто в силу тех или иных причин не может обеспечить себе достойный уровень жизни. Социальную справедливость надо делать, она – результат труда. Но нет, мы об этом даже не задумались. У нас в головах все еще какая-то абстрактная, эфемерная, но при этом Высшая справедливость!

Общественный договор – это великая штука. Есть люди, которые просто по состоянию здоровья не могут обеспечить себе достойную жизнь, есть дети и старики, которые в силу своего возраста не способны обеспечивать себя. И нам эти люди, во-первых, не посторонние – они наши дети, родители, друзья; а во-вторых, это и мы сами – все мы были детьми, большая часть из нас доживет до престарелого возраста, каждый из нас может заболеть, лишиться здоровья, получить инвалидность и так далее. И учитывая все это, мы – те, кто сейчас работает и создает материальные ценности, – берем на себя обязательства помогать тем, кто не в силах сам позаботиться о себе.

Отсюда из наших заработков и отчисления в бюджет – на образование, на здравоохранение, на пенсии и социальные пособия (сюда же примыкают культура и фундаментальная наука). Одна часть общества фактически содержит и себя, и другую часть общества, потому что та – другая – не может этого сделать. Работающие, условно говоря, содержат тех, кто не работает (или не производит материальных благ). А деньги на пенсии, зарплаты бюджетникам, образование и так далее – они не из воздуха берутся. Их зарабатывают и отчисляют из своих заработков те, кто производит материальные ценности.

Сейчас мы платим пенсии старикам, через тридцать лет наши дети, которых мы сейчас содержим (опять же – разного рода пособия, отпуска по уходу за ребенком для матерей, бесплатная медицинская помощь, образование и т. д.), будут платить нам, потому что мы уже не сможем заработать на себя. Сейчас мы платим больным и инвалидам, а завтра мы будем больными и инвалидами, и нам тоже будут помогать. И не по абстрактной справедливости, а по условиям нашего *общественного договора*.

Общественный договор (или социальный договор – как угодно) – это на самом деле и есть самая настоящая, сделанная нами, нашими руками *справедливость*. Не какая-то маниловщина – «мир во всем мире», «свобода, равенство и братство», а фактическая, осязаемая, верифицируемая справедливость цивилизованного общества. Вот такая справедливость может быть. А абстрактной справедливости, где есть некая Высшая Сила, которая, собственно, эту справедливость и производит, – ее нет. Ну не существует такой справедливости!

Очень похоже на правду, до озноба. И я уже готова везде развешивать транспаранты с фразой: «Единственный человек, который тебе должен, – ты сам!»

Но от общего согласия с «диагнозом» Андрея до реального изменения поведения в конкретных жизненных ситуациях – пропасть. Все равно чувство «несправедливости» остается внутри и всплывает время от времени. Что с ним делать? Оно же очень глубоко сидит и проявляется в мелочах. Вот чиновник коттедж-дворец себе отгрохал, а рядом сарайчики простых людей разваливаются, вот пенсионерка треть своей мизерной пенсии на рынке отдает восточному товарищу, который эти помидоры явно сам не выращивал. Вот олигарх проехал на «Хаммере», купленном на деньги от «прихватизированного» государственного завода... Ну задевает ведь, разве не правда? Злит, вызывает «праведный гнев», социальную и даже национальную ненависть. Ненависть – слишком сильное и разрушительное чувство, о ней надо расспросить подробнее.

Лебединая песня о ненависти

– Я с уважением отношусь к богатым людям, считаю достаток их заслугой. Но у меня есть знакомые, которые убеждены в том, что ВСЕ богатые – воры и несправедливо нажили свои капиталы.

Справедливости ради стоит отметить, что таких знакомых у меня до последнего времени не было. Но я затеяла «стройку века» – домик в деревне, и вокруг сразу появилось много людей строительных специальностей, рабочих.

Вообще друзья и близкие очень часто говорят мне с явной укоризной и даже издевкой: «Таня, тебе нравится пролетариат», демонстрируя вольное обращение с цитатой из «Собачьего сердца». На что я им, теряя чувство юмора, вполне серьезно и с вызовом отвечаю: «Нет, мне просто нравится русский народ». И я очень искренне и сильно хочу, чтобы все люди вокруг меня были благополучными – во всех смыслах, в том числе и материальном. И поэтому пытаюсь разобраться, почему одни, спокойно работая, могут обеспечить себе безбедную жизнь, а другие вроде бы и работают не покладая рук, но никак не могут вылезти из своей бедности. В чем тут фокус?

Наверняка Андрей скажет, что все проблемы этих людей находятся у них в голове. Похоже, так и есть. Достаточно послушать, что человек говорит, чтобы понять, КАК он думает. С некоторыми из моих новых знакомых у меня установились добрые отношения, меня «допустили» к привычным в этом кругу разговорам, и у меня волосы встали дыбом: сколько ненависти! Постоянные «терки» о том, что все работодатели – сволочи, плюс еще «хохлы» и «чурки», которые русским работягам нормально заработать не дают, и это несправедливо. Еще и «еврейский вопрос» всплывает: «жиды разворовали Россию», «жид-хозяин мало платит, где справедливость?!»

И никакие мои логические доводы и объяснения о том, что это, мягко говоря, не совсем так, никто даже слышать не хочет!

Ну почему когда речь заходит о несправедливости, то «виноватыми» обычно оказываются люди других национальностей, вероисповедания, социального и материального статуса: политики, олигархи, «хозяева»? Задам-ка я Андрею и этот вопрос, меня он по-настоящему волнует.

– Вот раньше мы все были в каком-то смысле одинаковыми. Мне кажется, что реальная заслуга советского режима заключалась именно в этом: он уравнил всех и таким образом нивелировал, например, национальный вопрос – мы были советскими людьми, советским народом. И вдобавок все были примерно одинаково бедными. Не стало понятия «советский человек», и тут же проявилось другое отношение к иным – представителям других национальностей, людям, исповедующим другие религии, имеющим большой достаток...

– А вот это как раз архетипическая конструкция, присущая любому человеку – кем бы он ни был и где бы он ни жил. Ведь что такое «иной»? Иной – это НЕПОНЯТНЫЙ, а

если непонятный – то возникают страх и оборона в виде агрессии. Когда же он становится «понятным» – никаких проблем нет. Советская власть решила этот вопрос просто – переназванием. Всех людей – вне зависимости от их национальности, происхождения, вероисповедания – она разделила на пролетариев и непролетариев. Русский он или поляк, друг степей калмык или негр (чернокожий) преклонных годов – неважно. Пролетарий! Переназвали – отличия стерли, новый видовой признак выдумали – и все «понятно»: рабочий человек – значит, хороший. А если понятно, то нестрашно, а если нестрашно, то можно и общий язык найти. Мы боимся всего нового, всего непонятного. И пока я не понимаю, кто со мной рядом находится, друг он мне или враг, – я его опасаясь.

Теперь прежние названия перестали действовать, а новым названиям мы качества не присвоили. В Китае, например, как поступили? Разрешили предпринимательством заниматься, но предварительно всех предупредили – предприниматели работают на нашу, китайскую экономику, а следовательно, они хорошие люди, бить и ненавидеть их не надо. А у нас бизнесмены появились – и как прикажете к ним относиться? Вопрос неоднозначный... И кроме прочего, конечно, «появились» представители разных национальностей. У нас ведь «парад суверенитетов» случился, страны по национальному признаку из СССР благополучно дезертировали, и вот на повестку дня вылез национальный вопрос. Причем дезертировали элиты, а национальный вопрос они просто как знамя впереди себя выкинули и все – мол, мы эстонцы, и что вы от нас хотите? Мы будем сами по себе. И все прочие тоже.

А как национальный вопрос (или конфессиональный, не дай бог) встает на повестку дня, тут уже совершенно другие механизмы включаются. Ведь что здесь скроешь: люди разных национальностей – разные. Генотип – это же вам не шутки. И было бы странно думать, что генотип цвет кожи кодирует, разрез глаз кодирует, прочую антропометрическую информацию кодирует, а психику – нет, не кодирует. Конечно, кодирует. Куда деваться? А к генотипу еще и культуральные вещи добавляются. Если в определенной культуре из поколения в поколение одни и те же императивы действуют, это же на психологии каждого отдельного представителя данной культуры сказывается. Не может не сказаться.

Вот возьмем, например, иудаизм. Отличается эта культура от христианской? Разумеется, отличается. В иудаизме главное – строгость исполнения предписаний: шаббат, и баста, кошерная пища, и будьте любезны. Бог сказал так-то, значит – так-то. И никаких дискуссий. А в христианстве? У нас Бог вовсе не так уж конкретно выражался, у него все притчи, все иносказательность сплошная.

Давайте просто базовые принципы посмотрим... В иудаизме: «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй», а в христианской традиции: вместо «не убий» – «всякий гневающийся на брата своего напрасно подлежит суду; мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним», вместо «не укради» – «кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду», вместо «не прелюбодействуй» – «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем; если же правый твой глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; и если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя». Ну чувствуется ведь разница?

И вот теперь мы переходим к «великому греху» иудея – ростовщичеству. Занимается человек банковским делом – дает в долг, в рост, получает проценты. С точки зрения иудаизма какой в этом грех? Да никакого! Не украл же. Наоборот – дал в пользование и лишь попросил разделить с ним прибыль. Это работа такая! Никакого воровства! А с точки зрения христианской культуры – должен же был *так* дать, то есть даром. Ведь сказано же: «отдай и верхнюю одежду». Но это христианам сказано, а иудеям – нет, им другое говорили. Вот и весь конфликт. Для христиан банкиры – «барыги», для иудеев русские – «дармоеды». И разберись тут, кто прав, а кто виноват.

В христианской культуре деньги автоматически превращаются в «зло» (одно слово «стяжательство» чего стоит!). И как тут объяснишь благоверному христианину, что деньги – это по сути своей просто инструмент. Я дал кому-то молоток, он построил с его помощью дом, создал с помощью моего молотка новую ценность. И я прошу денег за пользование моим молотком. Для христианина – дикость, для иудея – норма вещей. «Я кому-то дал деньги, он их использовал, и я прошу часть денег от того, что он заработал (или мог заработать, если бы их не профукал)» – вот и вся логика этих «ужасных евреев». Но нам до сих пор непонятно, что они ТАК думают. Не «барыжничают», не «наживаются на чужом горе», а просто *так* думают.

И мне кажется, что пора уже как-то включать мозг и начинать понимать, как кто думает. Но мы – нет, не даем себе этого труда: вникнуть, понять, разъяснить самим себе, что к чему. У нас все иллюзия взаимопонимания – мол, понятно, почему он деньги в рост дает: наживается, барыжничает. В общем, «своею мерою мерим», чего, в общем-то, положить на сердце, нас наши же собственные религиозные авторитеты и просили не делать. Но... Короче говоря, имеет смысл подключать уже аналитические центры головного мозга к работе в этом направлении. Дико это как-то в XXI веке продолжать довольствоваться одними лишь «благородными чувствами», в особенности – протеста.

У каждого народа, нации, этноса свои собственные, в чем-то уникальные смыслы и значения одних и тех же вещей. Каждое сообщество людей живет в своем мире – у них другие практики реализуются, у них другое представление о себе и о мире сформировано. Причем это представление внутренне абсолютно логичное, стройное, адекватное, непротиворечивое. И если мы начнем так думать, если мы просто принимаем это в расчет, мы будем понимать этих «страшных» *иных*. А будем их понимать – перестанем и бояться. Что делать – история подняла сейчас и национальный, и религиозный вопросы... Надо уметь отвечать этим «вызовам», но без истерики, мозгами.

Развитые общества, надо сказать, по большей части через все это уже прошли. Совершили во многом эту работу. Это касается не только расовых и национальных различий, но и экономических, социальных, половых, возрастных. И в Японии, и в США отношение к богатым людям – хорошее, почтительное, они уважаемые люди. Их не ненавидят, им не завидуют черной завистью, у них учатся их успешности. В Америке существует, можно сказать, целый культ *self-made* человека – человека, сделавшего себя, добившегося большого успеха своими личными усилиями и стараниями. А у нас?.. «Олигарх» – слово ругательное.

Впрочем, про «олигархов» вопрос особый. Вот спросите меня: «Справедливо ли, что несколько людей, кучка какая-то, горстка – воспользовались ситуацией в стране, царившим хаосом и распределили между собой ценности, которые, по большому счету, к ним никакого отношения не имели и были достоянием всего народа?» Отвечу: «Несправедливо». Мне было 18 лет, когда ваучеры раздавали, я был военнослужащим. Как я мог в таких обстоятельствах своим ваучером правильно и эффективно распорядиться? Всей семьей отдали в какой-то фонд, и до свидания. Несправедливо. Обман. Чистой воды.

Но после этого спросите меня: «А был ли другой путь? Могло ли все произойти иначе?» И я отвечу, не дрогнув ни единым мускулом: «Нет, не могло». Почему? Потому что история не пишется в сослагательном наклонении. Не пишется – ну хоть ты тресни! Случилось то, что случилось. Такие были обстоятельства, такая была ситуация. Да, какие-то люди оказались, как говорят в таких случаях, «в нужном месте и в нужное время». Да, они сориентировались и воспользовались моментом. Да, они получили то, что им не предназначалось. Но были бы не они (данные, конкретные персонажи), были бы другие. В этом жестокая-жестокая правда.

«А могло ли случиться в принципе по-другому?» – вот вопрос. И я отвечу: «Нет, потому что мы такие». Мы не китайцы – мы не знаем, что такое «поступательность развития», мы

не так высоко ценим авторитет, чтобы слушать его заворуженно и подчиняться каждому его призыву внутренним движением души. Мы вообще этого не умеем, нас только если напугать ужасно, то мы готовы, а так, при хорошей-то конъюнктуре да на свежую голову, – и не уговаривайте! «Кто был ничем, тот станет всем» – вот это наш размерчик! «До основания, а затем...» – вот это по-нашему! Аж дух захватывает! Но так, чтобы постепенно, поступательно, последовательно, скучно и нудно – это не про нас, увольте. Наступит смутное время – одни голову в песок, а другие – вперед и с песней: «Грабь награбленное». «Плохо лежало», так что, извините, я не виноват. «Мимо проходил...»

В общем, справедливости во время приватизации никакой не было. Это правда. Но другой формы распределения «народного хозяйства» в нашей стране, в нашей культуре быть и не могло. И я говорю об этом совершенно уверенно. Потому что если бы могло быть по-другому, то было бы по-другому. Но было так, как было. И именно данный факт, а вовсе не доктор доказывает это.

Кроме того, даже если допустить, что и могло быть иначе, то ведь все уже случилось. Совершенная глупость махать кулаками после драки. Другое дело – извлечем ли мы для себя уроки из происшедшего, будем ли мы постепенно превращать сложившуюся в эпоху хаоса экономическую систему в нечто более здоровое и верное, добьемся ли мы более оправданного с точки зрения здравого смысла распределения материальных благ между гражданами страны... Вот это вопросы, на которые нам следовало бы ответить, причем самим себе. А ответив – идти на выборы. Другого пути, как бы мы к этим выборам ни относились, нет.

В отношении же случившегося остается утешаться двумя вещами. Во-первых, наша буржуазная революция, а у нас в 1991 году именно буржуазная революция случилась, была вовсе не самой ужасной. Вспомните, что французы во время своей буржуазной революции отчебучили, и сразу станет понятно, что наши национальные особенности не так уж плохи. По крайней мере, мы не гильотинировали всех направо и налево. Да и Чаушеску не расстреливали. А во-вторых, первые «олигархи», которые никуда не годились, были экономической эволюцией выбракованы – или разорились, или на тот свет отправились. Оставшиеся, как ни крути, оказались вполне себе неплохими управленцами. «Зарплаты», правда, у них завышены – тут и говорить не о чем. Но то, что они с задачей своей справились и смогли в целом, худо-бедно, удержать экономику страны на плаву, – это, несомненно, результат.

А ненавидеть их... Дурное дело, конечно, нехитрое. Толку-то? Ну, допустим, мы благородно ненавидим их, но они за это примерно так же ненавидят нас. Симметричный, казалось бы, ответ... Но не будем забывать – ценности-то и рычаги у них. Захотят ли они делиться своим благополучием с теми, кто их ненавидит? Не думаю. Захотят ли они думать о «социально ответственной политике», если общество в массе своей их презирает? Сомневаюсь. Да и вообще, как они будут думать о тех, кто их ненавидит? «Народ – быдло», – так они и будут думать. И в целом их тоже можно понять. Они-то не считают, что они в чем-то провинились. Они работают, рабочие места создают, экономику развивают. В результате всем может стать лучше. За что их ненавидеть? В общем, станет лучше только в том случае, если мы от ненависти своей сможем избавиться.

Где справедливость?

– Вопрос в том, как нам ко всему этому прийти. Хотя бы как захотеть думать в эту сторону? Ну не желают люди разбираться и прилагать даже крошечные усилия к тому, чтобы понять других!

И я рассказываю Андрею свою грустную историю.

Ко мне приехали дальние родственники из глубинки на заработки, несколько месяцев не могли нигде устроиться – везде их то зарплата, то жесткие условия работы не устраивали. Все это, конечно, сопровождалось соответствующими комментариями на тему: «Кто виноват?» Я им организовала жилье, поддерживала морально, да и материально. Наконец устроились на стройку, зарплата очень приличная, если нормально работать. Но после второго рабочего дня слышу ту же песню: «денег мало платят», «опять надрываться, надоело все», «а этот жид-хозяин и не вспомнит нас потом». Ничего не изменилось...

Как-то встретила одного из них, как раз собиралась ловить такси и ехать по делам. Но при нем постеснялась, знала, что у них даже на хлеб денег не хватает. Пришлось идти в метро, где у меня тут же украли деньги, паспорт и водительские права. А в нашей стране это настоящая катастрофа – документы восстанавливать. Получается, что я попыталась не терять «пролетарских» чувств, как-то деликатно отнестись к нынешнему финансовому положению человека, постаралась не напоминать о нем еще раз таким образом, – и вот серьезно поплатилась за это. В прямом смысле слова.

– А вот сейчас мы говорим не об иных – «страшных» и «непонятных», сейчас мы снова говорим о справедливости. Потому что вы же побоялись...

– Андрей, ну я же все на самом деле понимаю! Я понимаю, что каждый человек стоит ровно столько, сколько он зарабатывает. Всем нам дано по-разному, но всем даны и какие-то возможности по улучшению своей жизни. Я понимаю, что имею то, что заслуживаю, и каждый имеет то, что сам заслужил. В этом смысле понимания справедливости все нормально? Тем не менее мне вдруг стало неловко перед ним ехать на такси, и еще: я не хочу лишний раз пробуждать ВОТ ЭТО.

– Да, вы боитесь столкнуться с негативной эмоциональной реакцией людей, которые, как вам кажется, будут осуждать вас за ваше буржуинство: «Наши люди в булочную на такси не ездят!» Но эта их эмоциональная реакция является неправильной, они не имеют права вас за это осуждать, вы не за их счет на такси едете. Вы едете на свои, кровно заработанные деньги. Вам удобней воспользоваться этим видом транспорта и заплатить таксисту, нежели потратить время и нервы на метро. Это вам даже экономически выгоднее, ведь вы приедете домой и сядете за работу. В этом смысле реакции человека, который «запрещает» вам (условно говоря и в больших кавычках) ехать на такси, – это неправильное поведение. Давайте примем это.

Не запрещает, я знаю, что лично про меня он ничего плохого и не подумал бы. Ну разве что пошутил бы как-то в соответствующем ключе.

Может, это и есть тот самый «запрет» в кавычках, о котором сказал Андрей, – такая реакция, такие слова?

– Давайте поймем, как вы об этом думаете. Это стало травмой для вас, а не для этого вашего родственника. Вы побоялись спровоцировать его негативные чувства своей финансовой состоятельностью – вот механизм вашего поведения в данной ситуации. Так? Так. А почему такая «неудобная» ситуация вообще возникла? Потому что у этого человека неправильные представления о справедливости. Он считает, что если он ездит на общественном транспорте, то, значит, и все должны ездить на общественном транспорте. И никто в целом мире не может зарабатывать денег больше, чем зарабатывает он, потому что он, как ему кажется, тратит все возможные усилия на улучшение своей жизни, а у него при этом денег на такси нет. В общем, отсюда вся эта логика. Точнее, «оттуда».

А теперь давайте разбираться... Если кто-то сует пальцы в розетку, вы, по большому счету, не имеете права запретить ему делать это. В конце концов, это его жизнь, его пальцы. Но, наверное, вы не будете поступать так же, желая составить ему компанию. Кроме того, вы вряд ли будете агитировать его поступать подобным образом и, надо полагать, не станете молчать, когда он все-таки предпримет такую попытку. Короче говоря, если человек делает что-то неправильно, а вы об этом знаете, то вы, как минимум, не будете его поддерживать, как максимум – попытаетесь ему в этом деле воспрепятствовать. Но почему в случае с розетками нам все понятно, а вот в случае с неправильными, ложными убеждениями мы поступаем иначе? Мы это делаем потому, что радеем за душевное здоровье нашего визави, или же потому, что мы боимся за самих себя? Я думаю, что все-таки последнее. А он продолжает совать пальцы в розетку, ни о чем не подозревая... Вот такая забота о ближнем.

Впрочем, я не думаю, что из каждой такой ситуации надо устраивать показательное выступление. Но необходимо помогать людям менять их мировоззрение. Они нуждаются в этом. Они нуждаются в такой помощи. Не навязчивой, но доброжелательной и вполне себе активной. А вот отгораживаться, уходить в тень, пытаться что-то там замалчивать без конца и края – это никому пользы не принесет. И вот таких идиотских ситуаций будет не избежать еще лет «...дцать». Так и будем подобным, странным образом лукавить, чтобы не навлечь на себя агрессии и никого не травмировать, идти по какому-то странному сценарию, ущемляющему наши интересы. Когда, например, мы не можем надеть любимый, но дорогой костюм, собираясь в гости к малообеспеченным друзьям детства. Когда мы стесняемся пойти с менее успешным коллегой в ресторан, который нам по карману. Кстати, в книге «Деньги большого города» мы с Шекией Абдуллаевой очень подробно разбираем эту тему – почему мы так стыдимся иногда показывать свой достаток.

– По-моему, это вообще неразрешимая задача – изменить мировоззрение, какие-то устойчивые представления в обществе, тем более за короткий промежуток времени.

– Но мы должны об этом говорить. Заполнять своей речью пространство. Другого пути нет. Люди – это в определенном смысле психические агенты, живущие внутри той идеологической среды, которая их формирует, конституирует. Но ведь эту идеологию можно и реформировать, и создавать заново.

Наверное, я по натуре своей – делатель, а не «говоритель». И поэтому с некоторым недоверием отношусь к совету «говорить».

Для меня гораздо понятнее была бы рекомендация о том, что нужно СДЕЛАТЬ, точнее, что я могу сделать для того, чтобы как можно больше людей вокруг меня стали относиться к жизни и другим «правильно», то есть поняли, что никто не обязан устраивать им безбедное существование.

Я ведь не только из благородных побуждений, я просто не хочу, чтобы подобные ситуации повторялись. Андрей читает мои мысли и, кажется, начинает объяснять на пальцах прописную истину о том, что Слово – это тоже Дело.

– Для этого мы, собственно говоря, и пишем книгу: хотим, чтобы как можно больше людей задумались о том, что происходит в нашем обществе. А еще для многих эта, озвученная нами, позиция станет свидетельством того, что они не одиноки в своем представлении о мире. Ведь многие сталкиваются с ситуациями, которые мы описываем. Многие переживают, испытывают неловкость, не знают, как себя вести и что делать. Но мы начинаем говорить, и появляется внутренняя уверенность. Вот мы с вами уже вдвоем так думаем, а потом и другие люди к нам присоединяются. И в результате мы меняем жизнь вокруг себя, меняем в ту сторону, в которую нам хотелось бы ее изменить. В общем, с одной стороны, просто говорим, а с другой – занимаем активную жизненную позицию.

Вот вы описали ситуацию, которая будет понятна огромному количеству людей: неловкость, связанная с диспропорцией в материальном достатке. Не сомневаюсь, что ваши переживания, когда вы рассказываете о людях, которые недовольны работой, положением, судьбой, но палец о палец не ударят, чтобы изменить свою жизнь, тоже многим будут понятны. Человек ничего не делает, а хочет, чтобы у него все было. Для нас это нонсенс, а для этих «трудяг» – нет, ведь они уверены, что их достойную жизнь им должен обеспечить кто-то другой. Когда же они будут слышать со всех сторон, что такая позиция – нонсенс, они уже задумаются: настаивать ли и дальше на своей идее «справедливости» или все-таки надо как-то изменить свое отношение к жизни.

Помню, пришло ко мне на программу одно очень трогательное письмо. Писал его восьмилетний мальчик. Мол, подскажите, доктор, что делать. «Есть у нас одноклассник, который всех лупит направо и налево. Родители на него никак не воздействуют, а у нас все ходят в синяках. Я даже записался на секцию дзюдо, чтобы дать ему сдачи». Мой ответ состоял из двух частей. Первая: дорогой друг, не хочется тебя огорчать, но на этом примере ты должен понять и запомнить на всю оставшуюся жизнь – мир так устроен, что в нем всегда найдутся люди, которые будут вести себя неправильно. Мы всегда будем сталкиваться с ситуациями, в которых другие люди ведут себя «неправильно». Это неизбежность, с этим ничего не поделаешь. И нужно просто принять тот факт, что такие люди есть. Мы внутренне не должны делать наличие таких людей и ситуаций в мире своей личной трагедией.

Кажется, эти слова Андрей говорит не мальчику, он говорит их лично мне. Потому что это именно моя проблема. Я не могу, я до сих пор категорически не могу принять «неправильное» поведение других людей и страшно переживаю по этому поводу. Когда я вижу, как продащица в магазине хамит покупателям, как пьяные подростки бьют бутылки на детской площадке, как чиновник измывает над людьми, заставляя их унижаться и выпрашивать то, что им дать обязаны, или как люди бездарно распоряжаются своей жизнью, – мне просто становится дурно, хочется разнести все в пух и прах, взять за ухо и сказать: «Что же ты делаешь?!» Часто примерно так я и поступаю, конечно, в более цивилизованной форме, только проку от этого все равно мало.

Можно, конечно, назвать это красивыми словами – равнодушием или даже активной жизненной позицией, но по большому счету это все равно глупость. Потому что такими способами вряд ли что-то изменишь, а вот нервы себе испортишь точно. Наверное, есть менее травматичные способы, и я очень надеюсь, что наша с Андреем беседа поможет их найти.

– А второе, что я тогда сказал в ответ на письмо моего юного телезрителя, – это напомнил ему, что, кроме «я», есть еще и «мы». Слово такое – «мы». Коллектив! Вот класс, и этот товарищ мутузит каждого по отдельности. То есть я так себе это представляю: он одному всыпал, другие стоят в сторонке, платочки в руках теребят. Потом подошел ко второму, ему тоже попало. Остальные в сторонке, ждут, видимо, кому следующему достанется. Никто не высовывается. Нормальное дело? По-моему, ненормальное. Если есть у вас позиция по определенному вопросу, то не надо стоять и молчать. Вы коллектив, вас много. У вас есть ваше общественное мнение.

И это хорошая вещь – общественное мнение! Особенно если это мнение, а не предвзвешенный и не массовая истерика. Именно *мнение* – то есть подумали, оценили, оценками обменялись, все позиции выслушали, консолидированное мнение приняли и высказались. Это нормально, и это правильно. Но детей этому, видимо, никто не научил. Раньше учили, теперь – нет. И вот этот «герой» теперь безобразничает безнаказанно, полагая, что это норма жизни. Но если вы, все побитые, собираетесь и определяете, что это неправильно, что вы этим недовольны, вы же – сила. Вы можете принять решение более не поддерживать контакт с этим товарищем, совместно реагировать на его выходки, поддерживать друг друга, вставать стеной. И ему придется изменить свое поведение. Придется. А куда деваться?... Он не сможет и дальше противопоставлять себя группе, которая организовалась и имеет общий взгляд на происходящее.

И мы точно так же должны консолидироваться. Мир взрослых в данном случае ничем не отличается от мира детей. В обществах, где в целом преодолены проблемы националистических настроений, это случилось только за счет того, что сначала появились люди, которые говорили, что так нельзя. Потом они нашли людей, которые их стали поддерживать в этом, а в результате такая позиция стала законодательной практикой и притеснения по национальному признаку прекратились. Соответственно, единственный способ – начать говорить об этом.

Когда вы думаете молча, вы не можете узнать, вы одна так думаете, или я тоже так думаю, и еще двадцать людей так думают, и еще сто пятьдесят. Когда мы не говорим о том, о чем мы думаем и как мы думаем, мы не можем узнать, сколько нас – думающих таким образом. И мы уверены, что нас мало. А полагая, что наше мнение эксклюзивно, что единомышленников у нас нет, мы не можем изменить ситуацию, которая нас не устраивает. Но когда я точно знаю и понимаю, что огромное количество людей думает так же, как и я, что я не сумасшедший, то получается, что, отстаивая *свою* позицию, я вовсе не демонстрирую свой эгоизм, я отстаиваю мнение большой группы людей. И одно это дает мне ту внутреннюю уверенность, которая позволяет мне значительно более конструктивно вести мой разговор с оппонентами, с людьми, которые пока меня не понимают.

Причем я здесь не имею в виду ситуации, когда человек говорит: «Я, от лица всех пенсионеров, хочу сказать...» Боже упаси! Никто не может выступать от лица «всех пенсионеров», равно как и «всех работников бюджетной сферы», «всей молодежи» и так далее. Каждый из нас выступает от своего собственного, личного, глубоко индивидуального лица. В общем, каждый из нас говорит сам за себя. Но просто, когда мы знаем, что это наше мнение разделяют другие люди, мы перестаем чувствовать себя ущербными, а свое мнение воспринимать каким-то неполноценным и не стоящим внимания. Мы получаем силу. А сила необходима. Особенно если направлена она на защиту интересов других людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.